

Борис Георгиевич РЕИЗОВ

ФРАНЦУЗСКАЯ РОМАНТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 1815~1830

Издательство Ленинградского университета. 1956

ГЛАВА VI. ГИЗО, или ДОКТРИНА

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения*

См. также главы «Символическая школа. МИШЛЕ» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/reisov_mich.pdf), «Воинствующий романтизм. ТЬЕРРИ» ([http://vive-liberta.narod.ru/biblio/reisov .pdf](http://vive-liberta.narod.ru/biblio/reisov.pdf)),

Громадное и разностороннее образование, редкое в то время во Франции знакомство с иностранной, главным образом с немецкой, литературой и философией, владение несколькими европейскими языками, поразительная трудоспособность и неутомимая энергия выдвинули Гизо в первые ряды современных ему французских историков. Впрочем, литературная деятельность его в эпоху Империи и Реставрации многообразна и не ограничивается областью истории: он пишет статьи по философии, педагогике, литературе и искусству, переводит и составляет словари.

Франсуа Гизо (1787—1874) происходил из старой протестантской фамилии, пронесшей свою непокорность королю и католицизму от отмены Нантского эдикта вплоть до революции. Однако уже со второй половины XVIII в. преследования протестантов почти прекращаются, и предки Гизо, забыв свой прежний религиозный фанатизм, переходят на «философские» позиции. Только эту философскую оппозиционную традицию и мог усвоить Гизо в своей семье. Мировоззрение Гизо выработано им самостоятельно и складывается вне каких-либо семейных влияний. Образование в Женеве и, в частности, лекции Прево, читавшего курс логики, были типично «идеологические». В этом образовании нельзя обнаружить «первый трепет доктринерской мысли», как то делает Пугас, — так как «доктрина» и все ее учение противопоставлены «идеологии». Но пребыванию в Женеве Гизо обязан был своим знанием немецкого языка, сыгравшим большую роль в его дальнейшем развитии.

Осенью 1805 г. Гизо приезжает в Париж и поступает на юридический факультет. Однако интересы его шире избранной им специальности: в 1806 г. он изучает арабский язык под руководством Сильвестра де Саси и в том же году решает специально заниматься литературой. В мае 1806 г. он посетил Шатобриана, бывшего в то время в зените своей славы, а в августе 1807 г. побывал у мадам де Сталь в ее замке в Коппе. В том же году он поступает воспитателем в семью швейцарского посла в Париже Ф.-А.Стапфера, с которым был знаком со времени своего приезда в Париж. Очевидно, Стапфер, страстный кантианец, впервые познакомил юного Гизо с учением Канта и философским движением в современной Германии. В это же время Гизо знакомится и вступает в переписку с Шарлем де Виллером, пропагандистом Канта во Франции.

Литературная деятельность Гизо началась в 1807 г. Он печатает рецензии в журнале Сюара «Le Publiciste», позднее в «Archives litteraires de l'Europe» пишет статьи для словаря Мишо «Biographie Universelle» и издает «Словарь синонимов» (1809). Он переводит с немецкого сочинения Рефуса «Испания в 1808 году», составляет «Биографии поэтов века Людовика XIV» (1813), пишет весьма любопытный обзор «О состоянии изящных искусств во Франции и о Салоне 1810 года», где уже обнаруживается интерес автора к средневековью. Гизо рекомендует художникам «рыцарские сцены», которые «нас, потомков крестоносцев, могли бы весьма заинтересовать». Он противопоставляет средневековые античности, и средневековые темы кажутся ему возвращением к родному прошлому после долгих странствий на чужбине. С 1811 по 1813 г. Гизо вместе с Полиной де Мелан издает «Annales de l'education», в котором печатает множество статей довольно разнообразного характера. Несколько стихотворных произведений, написанных в это же время, остались

неопубликованными и, по-видимому, для самого автора интереса не представляли, хотя и сохранялись им в архивах в течение всей жизни. Гизо очень интересуется немецкой философией и философией историй особенно. Три большие статьи о немецкой литературе он печатает в «Archives litteraires», который боролся против национальной замкнутости французской классической школы. Он утверждает, что во Франции нет историков, как (после Декарта) нет и философов. Обсуждая проблему познания, он противопоставляет идеализму Декарта и Лейбница, эмпиризму Локка и скептицизму Юма критицизму Канта, и кратко, но довольно точно, излагает его учение. В статье «Обзор философии и литературы за 1807 год» («Tableau philosophique et litteraire de 1807») Гизо излагает философию истории, весьма напоминающую «Идеи» Гердера, о котором отзывается с большим сочувствием. В трех статьях, напечатанных в «Mercure» (1810), он говорит о немецких историках Ансильоне и Иоганнесе Мюллере, и о Коцебу. «С тех пор, как я переехал в Париж, — вспоминал впоследствии Гизо, — немецкая философия и литература стали предметом моих любимых занятий: я читал Канта и Клопштока, Гердера и Шиллера гораздо больше, чем Кондильяка и Вольтера». Немецкие философы и писатели были для него «миссионерами просвещения и истины».

Гизо работает над переводом книги Гиббона «Упадок и гибель Римской империи». Он снабжает перевод статьей о Гиббоне и примечаниями. Последние потребовали очень значительного труда и пестрят библиографическими ссылками, свидетельствующими о серьезной начитанности автора. В труде Гиббона Гизо интересуется главным образом история христианства и его учреждений, иначе говоря, происхождение новой Европы, именно эти главы казались Гизо особенно устаревшими и потому только их он снабдил распространенными полемическими комментариями.

В статье, предпосланной переводу, уже намечается критическое отношение к «философскому методу» в историографии. Кроме упрека в непонимании роли христианства, брошенного здесь мимоходом, Гизо говорит об отсутствии у Гиббона воображения, а главное, о недостатке того «подлинно философского духа», который объединяет факты в единый организм и тем самым дает жизнь общему целому. Следовательно, Гизо видит недостаток Гиббона, как историка, не в отрицательном отношении его к христианству, — в этом упрекали его и «классики», как, например, Порталис, — но в непонимании исторического процесса, который создал новую Европу «Подлинно философский дух» здесь явно противопоставлен тому «философскому» духу, в котором написана книга Гиббона и который кажется Гизо ложным.

Благодаря всем этим трудам Гизо оказался на высоте положения, когда, неожиданно для него самого, он был назначен профессором новой истории в Сорбонне. В любопытном письме к Форьелю, написанном им после назначения, Гизо говорит, что у современных людей слишком много идей в голове, готовых схем и философских концепций, зато не хватает фактов, чтобы эти идеи и схемы заполнить. Новоиспеченный профессор сам чувствовал недостаток эрудиции и, кроме того, сомневался в самой возможности исторического знания «Мы никогда не узнаем прошлого. Я убежден в этом — и начинаю его изучать». Путас толкует эти слова как исторический агностицизм и непонимание задач истории. Однако ни то, ни другое неверно. Уже во вступительной лекции, прочитанной Гизо в декабре 1812 г., «непознаваемость» прошлого ограничивается четкими пределами. Нельзя узнать ни всех подробностей каждого события, ни всех мотивов поведения и качеств души каждого политического деятеля. Да это и не нужно: следует сосредоточить свое внимание лишь на полезных сведениях (полезных отнюдь не в чисто практическом смысле) «Есть два прошлых - одно совсем мертво и не представляет действительного интереса, так как влияние его прекратилось вместе с ним, другое длится до сих пор, благодаря тому влиянию, которое оно оказало на последующие века» Это-то «живое прошлое» мы можем постичь и изучить в его пережитках или, вернее, в его результатах. Восполнять пробелы, неизбежные во всяком историческом знании, по мнению Гизо, следует при помощи разума, так же как недостаток силы восполняется техникой.

Что это за «разум», к которому апеллирует Гизо? «Философский» ли разум, призванный «сочинить» прошлое согласно с законами здравого смысла, разум историков-«философов» XVIII века? Путас утверждает именно это. Однако, принимая во внимание знакомство Гизо с Кантом, Гердером, а также — через посредство Ш. де Виллера, с которым он в это время переписывался, — и с Фихте, можно в этом усомниться. Действительно, Гизо говорит о господствующих в каждую данную эпоху идеях, об изменениях общества и психики, и поэтому в «разуме» этом следует видеть нечто методологически более близкое позднему «разуму» доктринеров либо «разуму» Гегеля, с философией которого Гизо мог познакомиться по статье Швейгхейзера, а уже в «Салоне 1810 года» отчетливо намечается

эта основная идея общество эволюционирует, с ним вместе эволюционирует и человеческая психика, и на каждом этапе своего развития человечество ставит и разрешает новые задачи. Пугас укоряет Гизо в чистом теоретизировании, в том, что художественное волнение подавляется у него рассуждением, эстетикой и абстракциями.

Пугас не понимает основного замысла Гизо «Может быть, — пишет Гизо Шарлю де Виллеру, — мне удалось взглянуть на искусство с более общей точки зрения, чем это делается во Франции. Я горжусь тем, что воспитался в школе Лессинга». Он имеет в виду трактат Лессинга «Воспитание человеческого рода», в котором история рассматривается как непрерывное совершенствование человечества. Осуществляя идеи новой романтической критики, Гизо отказывается от того оценочного принципа, от принципа «хорошего вкуса», который торжествовал в критике классицизма. Он хочет поставить критику на принципиально иную, объективно-историческую основу. Он хочет объяснить, почему классическое искусство не волнует современного зрителя, доказать на примере современного искусства свои философско-политические взгляды и вместе с тем построить новую, историческую эстетику уже здесь, в «Салоне 1810 года», так же как в первой лекции курса, можно обнаружить это пока еще неразработанное представление о движущей силе истории, о «господствующих идеях», увлекающих за собою всю эпоху и являющихся выражением той цели, которой данная эпоха должна достичь.

Идея истории цивилизации, рассматриваемой как история последовательно сменяющихся и последовательно разрешаемых задач, неясно высказана уже в первой лекции Гизо. Дальнейшая его историческая работа будет развитием и осуществлением этой основной идеи, выраженной с полной ясностью лишь через 16 лет, в лекциях 1828—1830 гг.

В университете Гизо познакомился и подружился с Ройе-Колларом, своим будущим соратником, в то время профессором философии, философско-исторические взгляды которого были близки взглядам Гизо еще в период Империи.

Преподавание Гизо продолжалось недолго. После первой Реставрации он с головой ушел в политику. В мае 1814 г., по поручению министра внутренних дел Монтекью, он написал записку «О состоянии умов во Франции», представленную королю, и был назначен главным секретарем министерства внутренних дел.

В «Записке» изучается не экономическое и политическое состояние Франции, но взаимоотношение партий и «мнений». Учитывая эти противоречивые мнения, удовлетворяя желаниям и потребностям всех групп населения, опираясь целиком на всю Францию, а не на отдельные партии, Реставрация, по мнению Гизо, должна утвердить свое положение и создать устойчивое внутреннее равновесие. «Записка» явно была направлена против поднимавшей голову ультрароялистской реакции. Здесь уже отчетливо выражена система, лежавшая в основе всей его государственной деятельности. Дальнейшее развитие она получила в брошюре, напечатанной в июне 1816 г.: это был перевод работы Ансильона «О государственной власти и о формах правления», к которой Гизо присоединил шесть примечаний и предисловие. Он доказывал необходимость опираться на все слои населения и рассматривал современную Францию как наследие революции. Это наследие нужно принять и революцию расценивать с точки зрения ее благих результатов, а не «буйств» и крайностей, в которые она впадала в моменты политических кризисов. Гизо пытается даже оправдать якобинизм с точки зрения «государственного интереса». В июне 1818 г. он заявляет, что революция, как дело разрушения, закончена; как дело созидания, она только еще начинается.

В это время партия или, вернее, группа доктринеров уже получила свою организацию. Это произошло летом и осенью 1817 г. вместе с организацией «правой» (в январе) и «левой» (в августе того же года). В это время складывается и политическое учение доктрины.

Две боровшиеся в это время партии, по мнению Гизо, базировались на прошлом. Одна из них отвергала настоящее во имя революции, другая — во имя старого режима. Только доктринеры, по мнению Гизо, «увидели» настоящее и, основываясь на Хартии, создали философию Реставрации. Еще в 1816 г., в примечаниях к Ансильону, Гизо утверждал, что правительство должно иметь свою политическую доктрину, свою социальную и нравственную философию, а не действовать в зависимости от случайных влущений обстоятельств.

Между тем политика Бурбонов не оправдала доктринерских надежд: после убийства герцога Беррийского (13 февраля 1820) значительно усилилась феодальная реакция, и Гизо вместе с другими доктринерами был удален из правительства. Уйдя от дел, он напечатал свой первый большой теоретический труд «О правительстве Франции после Реставрации, и о теперешнем министерстве».

Книга появилась через три года после первых статей Тьерри. Гизо столь же отчетливо противопоставляет два враждебных народа, завоевателей и покоренных, сражавшихся на территории Франции в течение тринадцати веков. Французская история есть история этой борьбы. Революция была генеральным сражением, которое дал народ побежденный народу-победителю. Побежденное тринадцать веков тому назад теперь выиграло битву. Современная Франция — Франция победившего «третьего сословия», Хартия является свидетельством этой победы, а представительное правление — ее результатом. Хартия 1814 г. сделала короля главой новых завоевателей. «Он стал в их ряды, и во главе их, он обязался вместе с ними и для них защищать завоевания революции». Так Гизо приходит к выводу, что Реставрация является, или, вернее, должна быть законной наследницей революции.

Причины революции Гизо видит в том, что королевская власть, особенно начиная с Людовика XIV, порывает свои связи с «третьим сословием», которое теряет свое бывшее политическое значение и большую часть своих свобод. Тогда королевская власть и аристократия, сохранившая свои политические права, но утратившая всякое социальное значение, становится тормозом для общественного развития. Естественным следствием этого явилась революция.

В 1820 г., с приходом к власти ультрароялистского министерства, началась контрреволюция, которая может привести только к новой революции. Король должен оставить дело аристократии управлять Францией, учитывая интересы и силы всех ее элементов. Таков политический урок книги.

Констатируя в истории и в современности классовую борьбу, Гизо, так же как Тьерри и другие его современники, объясняет ее происхождение актом завоевания. Так же как Тьерри, Гизо утверждает, что под двумя народами, борющимися во Франции - в течение тринадцати веков, следует разуместь не прямых биологических потомков франков и галлов, а два общественных класса (или положения, по терминологии Гизо), которые возникли в результате завоевания и феодализма.

Книга «О правительстве Франции» была одним из наиболее ярких политических выступлений Гизб. Плеханов назвал его «одним из самых замечательных политических борцов французской буржуазии». Бональд сравнивал его с Лувелем.

Отстраненный от государственной деятельности, Гизо вернулся к университетскому преподаванию. Теперь он был весь охвачен политическим интересом, однако, несмотря на весьма обширные исторические сведения, профессионалом-историком себя не чувствовал. На свои лекции он смотрел как на средство «готовить доктринеров под огнем неприятеля». Свой новый курс Гизо посвятил «Возникновению представительного правления».

Путас, рассматривающий исторические труды Гизо только как подготовку к его государственной деятельности, преуменьшает научное их значение. Он полагает, что вся первая часть курса, трактующая о представительстве в средневековой Франции, не оправдана материалом, и что поэтому Гизо принужден был целиком перейти на английскую почву. Однако задачей курса было показать, почему представительное правление получило свое дальнейшее развитие не во Франции, а в Англии. Таким образом, история английского парламентаризма является дополнением и почти «продолжением» рано зачахнувшего французского, а вместе с тем и важным политическим «уроком» для современной Франции: ведь Хартия рассматривала себя как продолжение освободительного движения средних веков, в действительности являясь подражанием английским конституционным формам.

Преподавание Гизо и на этот раз продолжалось недолго: 12 октября 1822 г. курс его был запрещен, и Гизо опять возвратился к политике. Еще до запрещения курса, в мае 1822 г., он предпринимает работу, которая его больше увлекает. — «О принципах и практике представительного правления». Он хочет изложить теорию представительного правления, изучив его происхождение, а затем его развитие на материале английской истории. В это же время Гизо, кроме нескольких брошюр, печатает свои замечательные «Опыты по французской истории», включившие некоторые материалы лекций 1820—1822 гг. Между тем, французская историография быстро и решительно реформировалась. Барант писал «Историю герцогов Бургундских», Тьерри готовил «Историю завоевания Англии». Под несомненным влиянием этих работ, но вместе с тем развивая свой старый замысел, Гизо принимается за «Историю английской революции», которая должна была продолжить традицию нарративной истории.

Первый том «Истории английской революции» появился в 1826 г. Второй том, задержавшийся потому, что Гизо получил возможность работать в Нидерландских архивах, до того ему недоступных, вышел в свет в июне следующего года, и история Карла I была доведена до конца.

Как мы указывали выше, английская революция вызывала во Франции чрезвычайный интерес, который возрос еще больше после появления книги Вильмена. Однако Гизо не искал аналогий и сопоставлений. Так же как Вильмен, он был уверен в том, что внешнее сходство событий не объясняет их подлинного смысла и причинной связи. «Я не придаю значения историческим сравнениям», — заявлял он в 1828 г. И если события английской революции напоминают французские, то потому, что в обеих странах, несмотря на различные условия, цивилизация развивалась в одном направлении и по тем же законам. Эта мысль лежала в основе и первого курса Гизо.

Дальнейшая работа над этой темой, постоянным предметом размышлений Гизо, была прервана организацией министерства Мартиньяка. Гизо вновь было разрешено читать лекции, и 9 апреля 1826 г., неожиданно для самого себя, он прочел первую вступительную лекцию своего знаменитого курса «История цивилизации в Европе». Эти лекции, как и лекции Вильмена и Кузена, печатались выпусками с отдельной пагинацией и выходили в свет через несколько дней после того, как они были произнесены. Второй курс, начатый 6 декабря 1829 года, был посвящен «Истории цивилизации во Франции» и печатался тем же способом.

Это было время величайшей популярности Гизо. Лекции его были событием не только в исторической науке, но и в общественной жизни страны. Целые толпы собирались в громадной аудитории, вмещавшей 1800 человек, лектору устраивали овации, газеты печатали содержание лекций. Гизо, в противоположность Кузену и Вильмену, не искал ораторских эффектов и не рассыпал риторических цветов. В Сорбонне он говорил совсем не так, как в Палате, где он стремился к драматическому впечатлению. Здесь он «хотел просвещать, а не волновать», и публика никогда не прерывала его в середине лекции, как Кузена и Вильмена.

Курсы эти подводят итог всей исторической работе Гизо в период Реставрации. Они весьма отличаются от лекций о «Происхождении представительного правления». Между курсом 1820 — 1822 гг. и курсом 1828—1830 гг. лежат шесть лет напряженного исторического труда. Оригинальные сочинения, грандиозное издание документов по истории Франции («Collection de documents relatifs a l'histoire de France», с декабря 1823) и английской революции («Collection de documents relatifs a la Revolution d'Angleterre») дали ему опыт работы над материалом и широкую эрудицию. Теперь он вполне владел предметом и ясно видел задачи и очертания своего курса. В этих лекциях с наибольшей полнотой Гизо высказал свои философско-исторические взгляды и вместе с тем реализовал методологические принципы, намечавшиеся в его трудах еще в начале века.

2

Как сказано было выше, доктринеры разрешали центральную проблему всех политических дискуссий эпохи, проблему французской революции при помощи идеи эволюции. В основе исторического мировоззрения Гизо лежит та же идея эволюции или, выражаясь термином эпохи, идея тождества. С точки зрения Гизо, эволюция составляет содержание исторического процесса. Определить направление, формы, а может быть, и цель ее — есть высшая задача всякого исторического исследования.

Понятие развития в идеалистических системах часто принимает телеологическую окраску. Все почти философско-исторические споры этого периода вращаются вокруг цели исторического процесса. Трудно было примириться с мыслью, что страдания и катастрофы, пережитые человечеством, не имеют цели и что человечество бредет без путей и дорог, влекомое собственными страстями и капризами. Закономерность исторического развития, которую доктринеры ощущали чрезвычайно остро, они трактовали как целесообразность, и часто мыслили ее как некую руководящую разумную силу. Говоря об историческом провидении, они имели в виду в сущности законы исторического развития, осуществляющегося в сложных и противоречивых формах.

Накануне июльской революции, словно подводя итоги своей исторической работе, Гизо в письме к жене высказывался с той откровенностью, которую редко позволял себе в публичных выступлениях: «Когда моё умственное развитие завершилось, когда установились мои взгляды, я стал думать, главным образом, об общем целом, о судьбе человечества, о течении, законах, цели его развития. Здесь с особенной яркостью обнаружилось моим глазам высшая мысль и воля. Я вижу их в мировой истории так же ясно и несомненно, как в движении звезд. Я вижу присутствие бога в законах, управляющих совершенствованием человеческого рода, столь же несомненное, столь же очевидное, по моему даже более очевидное, чем в законах, определяющих восход и заход солнца. Словом, чтобы выразить тебе свою мысль до конца, в истории человечества есть для меня пробелы, огромные пробелы, но тайн нет; я многого не знаю, но я понимаю все; миллионы событий мне неизвестны, но ни одно меня не удивляет; глаза мои слишком слабы, чтобы охватить все, но везде они видят свет... Полное убеждение, бесконечную веру в мудрость и благость и в постоянную деятельность провидения я почерпнул в созерцании человечества, его жизни и его общей судьбы». То, что с нравственной точки зрения непонятно и неприемлемо в судьбе отдельного человека, становится объяснимым и естественным в контексте человеческой

истории. Гизо был убежден в необходимости этой философско-исторической идеи, этого широкого исторического контекста для всякого исследования вообще. Иначе невозможно, казалось ему, конструировать общее развитие общества и даже определить основные понятия, которыми оперирует история. Поэтому в первой же лекции по «Истории цивилизации в Европе», определяя задачу своего курса, Гизо апеллировал к этим философско-историческим категориям: «Да, я убежден, что человечество имеет свою судьбу, что существует всемирная цивилизация, что из поколения в поколение передаются некие духовные ценности, все более увеличивающиеся трудом поколений, и что, следовательно, можно написать историю всемирной цивилизации как историю всеобщих человеческих судеб» (НСЕ, I, 7—8). Связь между событиями человеческой истории можно обнаружить без труда, если рассматривать широкие пространства пройденного уже пути. Ничто не пропадает даром, все имеет свой смысл и результат. Но провидению торопиться некуда. Шаг его длится столетия. Результате христианства сказались на социальном строе лишь через десятки веков, но в конце концов его великое и законное влияние наложило свою печать на современное общество (НСЕ, I, 22—24). Термин «провидение» скрывает за собою сумму закономерностей исторической эволюции, определяемой экономическими причинами и конечным торжеством демократии.

Цель, к которой в неустанном движении стремится человечество — создание справедливого и нравственного общества. Но люди не знают последнего результата своих усилий. Поколения строят здание, назначения которого они не могут угадать, они «разумно» и «свободно» творят то, что для них непостижимо, но исторически неизбежно. Уловить смысл этих вековых усилий, показать, как в ходе бесчисленных событий осуществляется эта непрерывная эволюция, определить в них долю необходимости и долю свободы является задачей новой науки — истории цивилизации (НСЕ, XI, 6—7).

В 1820-е годы в либеральных и прогрессивных кругах много толковали об этом сравнительно новом понятии. «Слово *цивилизация* — это, так сказать, пароль нашего века, — писало в 1825 г. либеральное «Revue Encyclopedique», — оно выражает одновременно и общее движение умов ко всякому социальному и промышленному совершенствованию, свободное и полное развитие способностей человека, направленных к сохранению и улучшению его положения на земле, и результаты этой умственной деятельности и этого спонтанного движения отдельных людей и всего общества. *Цивилизация* включает в себе все области физической, религиозной и нравственной, промышленной и духовной, социальной и политической жизни людей и народов». Это понятие ведет свое происхождение от «идеологов», проектировавших даже особую «национальную комиссию цивилизации» при Национальном институте.

Это понятие Гизо принял как основное содержание исторического исследования еще в 1820 г. Задачу эту он имеет в виду, изучая аграрную систему раннего средневековья, организацию католической церкви и борьбу Карла I с парламентом.

Гизо следует методу Томаса Рида. Чтобы определить понятие цивилизации, он хочет прислушаться к здравому смыслу, т.е. к «всеобщему мнению». Здравый смысл говорит, что цивилизация заключается не только в совершенной организации общества, в производительности труда и равномерном распределении его продуктов. Она заключается, прежде всего, в развитии личной жизни, жизни внутренней, в развитии самого человека, его способностей, чувств и понятий. Во Франции ни социальное, ни экономическое развитие далеко не достигли совершенства, но развитие личное, по мнению Гизо, выше, чем в любой другой европейской стране. Вот почему и цивилизация французская — первая цивилизация в Европе.

Двойственный характер цивилизации обнаруживается и в истории. Христианство, по мнению Гизо, одно из самых крупных явлений в истории цивилизации, оставило нетронутыми общественные отношения, но в корне изменило сознание человека. Французская революция изменила социальные отношения, не затрагивая специально нравственной области, — и также была огромным шагом в развитии цивилизации (НСЕ, I, 16—24).

Однако изменения в нравственном состоянии человека неизбежно вызывали изменения в социальном строе, и наоборот. Французская революция, преследовавшая чисто социальные задачи, пробудила в душе современного человека новые качества, а христианство, замкнувшее свою реформу пределами нравственного сознания, через несколько столетий проявилось и в общественном строе (НСЕ, I, 28). Продолжая мысль Гизо, можно было бы сказать, что французская революция в некоторой мере явилась результатом христианской нравственной идеи, и, с другой стороны, что христианство провозгласило идеалы французской революции. Гизо не решился бы высказать такую мысль в эпоху Реставрации, но ее высказывали более смелые его единомышленники, например Баланш.

Можно было бы предположить, что, с точки зрения Гизо, совершенство социального бытия человека и совершенство его духовной личности составляют два равно необходимых и взаимообусловленных компонента цивилизации, что цель истории заключается в равномерном развитии того и другого элемента. Однако он далек от этой мысли. Общественный и нравственный элементы, оказывая влияние один на другой, в процессе исторического развития сохраняют автономию. Мало того, нравственное развитие кажется Гизо основной задачей истории. Гизо ссылается на Ройе-Коллара: «Мы, существа индивидуальные и идентичные, действительно одаренные бессмертием, имеем судьбу иную, чем судьбы государств». Ройе-Коллар имел в виду загробную жизнь, которая требует нравственной подготовки. Гизо просто подчеркивал нравственные идеалы, которые должно осуществлять в организации общественной жизни и средствами государственного строя.

Так определяется задача историка. Основной предмет его исследования составляет «внутренняя» история людей, развитие их нравственного сознания. Еще в 1812 г. Гизо укорял Гиббона в том, что тот не умел проникнуть в «нравственные глубины истории». В «Истории французской цивилизации» он снова говорит об этом: «После того как описаны социальные отношения... нужно изучить внутреннее, личное состояние людей... с одной стороны понятия, верования, всю умственную жизнь человека, с другой — отношения, в которых находятся понятия к поступкам, верования к действиям, мысли к человеческой свободе».

Широту понятия цивилизации у Гизо отметил и Чернышевский: «Очень мало найдется историков, которые, посвящая свои труды исследованиям о средних веках или новейших временах, главное внимание обращали бы, подобно Гизо и Шлоссеру, на развитие существенно важных сторон народной жизни: общественных и экономических отношений, образованности и т.д.» Гизо, вместе с некоторыми другими историками, создал всеобщую историю, — «потому что только с Гегеля, Гизо, Нибура, Шлоссера начинается разработка этой идеи».

Этот взгляд предполагает особое понимание исторического материала и особый метод его исследования.

История цивилизации, по мнению Гизо, может быть рассказана либо с точки зрения личности, как совершенствование нравственного сознания человека, либо с точки зрения общества, как совершенствование социальных взаимоотношений между людьми. В курсе 1828 г. Гизо следовал второму пути, обещая в следующем году дать историю умственного развития страны, внутреннюю историю человека (НСЕ, I, 28—30; XIV, 42). Материалы для этих двух историй различны: история общественных форм, юридические памятники, договоры, политические хартии и т.п., с одной стороны, и история религиозных учений, литературы, искусств, — с другой. Однако история общественных форм не может быть правильно понята, если ее не объяснять памятниками духовной культуры.

Гизо огромное значение придает роли идей и нравственных понятий. Он утверждает, что «состояние собственности» определяет структуру общества, но социальное развитие происходит в результате нравственного развития. Нравы, верования, чувства, идеи определяют те отношения, в которые люди становятся друг к другу. «Общество таково, каким его делают люди», и «только человек может объяснить развитие учреждений» (НСЕ, I, 42; V, 39). В 1820 г., говоря об эпохе германского завоевания Галлии, Гизо утверждал, что вначале распределение земель было обусловлено социальным положением людей, но затем «положение земель стало определять положение людей». Свободные люди, не владевшие землей, постепенно могли утратить и свою политическую роль и даже свою свободу. Это уже довольно реальный для своего времени взгляд на вещи.

Эту проблему Гизо подробнее разработал в 1823 г. в «Опытах по французской истории». В замечательном четвертом опыте он изучает «общественное состояние и политические учреждения Франции при Меровингах и Каролингах» с точки зрения, для того времени необычайно плодотворной. Он утверждает, что политические учреждения определяются «устройством общества», «взаимоотношениями отдельных классов» и «социальным состоянием людей» («*etat des personnes*»), а последнее с момента расчленения Римской империи определялось «социальным состоянием земли» («*etat des terres*»). Таким образом, земельная собственность оказывается решающим политическим фактором. Это она определяет взаимоотношения классов, социальное положение людей и политическую структуру государства. Следовательно, она определяет и содержание нравственных понятий, и общий характер идей, руководящих поведением человека. Однако сохраняется во всей силе и основная мысль Гизо — человек нравственно «свободен» от общества. Последнее постепенно оказывает на него влияние, но не определяет его целиком. Нравственная сущность человека остается в некоторой степени самостоятельной, и он

может стремиться к идеалам, не соответствующим окружающему его политическому и социальному строю. Эти идеалы оказываются общественной и политической силой, медленно трансформирующей грубую действительность. Особое значение и историческую заслугу средневековья и в частности средневековой поэзии Гизо видит в том, что оно создало идеалы, совершенно противоречившие ежедневной бытовой реальности и вместе с тем протестовавшие против нее во имя высшего нравственного принципа (НСФ, IV, 210—218). Таким образом, Гизо не растворяет человека в неопределенной социальной «среде». Он понимает, что между средой, т.е. данным состоянием общества, и идеей может быть противоречие, и что идеи часто вырастают на определенной социальной почве как протест против общественного зла.

Методологически важным в только что приведенных рассуждениях является требование — объяснить политические учреждения «структурой общества», которая часто понималась как «состояние собственности». Ошибка медиэвистов XVIII в. заключалась в том, что они переносили в раннее средневековье современные им политические понятия. «Если бы, прежде чем рассуждать, как управлялся народ, ученые изучили, каково было его строение... они увидели бы, что при том состоянии индивидуумов и различных социальных положений ни одного мгновения не могли существовать ни аристократия г-на де Буленвилле, ни монархия аббата Дюбоса, ни республика аббата Мабли».

Однако и эта столь простая мысль казалась еретической ортодоксальному историческому сознанию. Дону отказывается понимать совершенно ясное для нас рассуждение Гизо. Ведь, имея документы, касающиеся только политических учреждений, рассуждает Дону, волей-неволей приходится изучать общество через посредство этих учреждений, что, впрочем, делает и сам Гизо.

Этот принцип имеет исключительно важное значение не только для истории, но и для политики. Образ правления оказывается простым производным от общественной структуры и сам по себе ни в коем случае не решает политической проблемы. В зависимости от своих потребностей каждое данное общество, каждый народ в определенную эпоху своего развития создает себе правительственную систему, которая годится только при совершенно конкретных социально-исторических условиях.

Положение это никак нельзя сравнивать с знаменитыми «принципами» разных форм правления у Монтескье. Последний разрешал стоявшую перед ним задачу чисто теоретическим путем. У Гизо метод мышления несомненно исторический. Для Монтескье существуют принципы монархии, деспотизма, республики, обнаруживающиеся в различные эпохи и в различных странах в большей или меньшей чистоте. Для Гизо существуют конкретные исторические обстоятельства, характер собственности и т.д., создающие те или иные политические формы, лишь внешне схожие: «Провидение, дающее народам разное происхождение и разные судьбы, также открывает справедливости и свободе много путей, чтобы они могли принять участие в управлении». Поэтому нельзя ограничивать возможные формы представительного правления только одной какой-нибудь системой. Это значило бы закрывать всякие другие возможности для политического развития страны.

Так формулирует Гизо в 1851 г. мысль, возникшую у него при подготовке к печати своего первого курса. Эта мысль заключена уже в лекциях 1820—1822 гг., хотя и не получила здесь своего полного развития именно она заставляет Гизо рассматривать английскую конституцию не как «образчик», а как «пример», и видеть народное представительство в самых разнообразных политических формах. Как нам известно, к тому же взгляду в 1817 г. приходит и Тьерри.

Гизо подробно развивает эту мысль в VI и VII лекциях своего первого курса. Обычно полагают, говорит он, что свобода связана лишь с определенными политическими учреждениями: там, где их нет, нет будто бы и свободы. Это неверно; как в свободных формах правления существует абсолютная власть, так в формах правления, кажущихся абсолютными, существует свобода. Гизо сопоставляет представительное правление в Англии в XVII и XVIII вв. и французский абсолютизм той же поры на том основании, что моральное и материальное благополучие в обеих странах в эту эпоху достигло весьма высокого уровня. Гизо предполагает, что абсолютная власть в XVII в так же соответствовала потребностям французского общества, как представительная власть — потребностям английского. Таким образом, под «свободой» Гизо понимает соответствие правительства интересам общества. Нельзя определять и классифицировать системы государственного управления по внешним и несущественным признакам «конституций». Древнегерманские отношения только внешне напоминают английскую конституцию, и уподоблять первые второй было бы большой ошибкой. Качество каждой данной государственной системы определяется только количеством справедливости и разумности, в ней заключенным. Если в данном обществе господствует не право, а сила, то, независимо от формы правления, оно

должно быть названо деспотизмом. Если же при монархической либо аристократической формах правления право торжествует и регулирует социальные отношения и жизнь граждан, то этот режим следует назвать государством свободным, обществом в прямом и полном смысле этого слова. Республика Соединенных Штатов ближе к конституционной монархии, чем к Римской республике, а средневековые городские коммуны весьма мало напоминают римские города, хотя и наследовали от них некоторые - учреждения и традиции «Ничто не породило столько заблуждений и лжи, как эти неподвижные названия, обозначающие совершенно различные явления» (НСФ, V, 189—190), повторяет он мысль, много раз высказывавшуюся Тьерри.

Иначе говоря, дело не в форме государственного строя, а в содержании, которое наполняет эту форму. Безразличие к форме, характерное для либералов эпохи, скрывает в себе опасность, сказавшуюся в июле 1830 г., когда после революции на место республиканской формы теми же либералами была подставлена форма монархическая, не встретившая почти никакого сопротивления.

Таким образом, история цивилизации есть история нравственного совершенствования человечества, проявляющегося во всех явлениях социальной жизни. Нравственная идея в общественной жизни является прежде всего идеей права и справедливости. Гизо отвергает оба направления, господствовавшие в теории права, — школу «философскую» и школу «историческую» и четко характеризует свое отношение к обеим школам уже в 1820 г.

Философская школа ищет право в индивидууме. Она исследует это «разумное и свободное существо» и выводит из него то, что она называет его правами. Добыв их, она рассматривает их как социальную необходимость и как единственный закон, на основании которого нужно расценивать факты.

Историческая школа находится под ярмом другой идеи — идеи факта. Она проникнута безграничным уважением к сумме фактов, которая называется прошлым, и признает только то право, которое этим прошлым было признано и санкционировано.

Философская школа совершает ошибку, выводя идею права из исследования индивидуума. Идея права предполагает идею отношения и обнаруживается только тогда, когда устанавливается отношение, т.е. когда начинается общественная жизнь. Вместе с обществом она и изменяется. Точнее говоря, идея права остается той же, но изменяются границы права, развивается и принимает иные формы социальное воплощение идеи права. Гизо приводит в пример правовые отношения отца к ребенку, которые изменяются вместе с ростом ребенка и, наконец, принимают совсем иные формы. То же, только в более сложной системе, происходит с правовыми отношениями внутри общества, которые философская школа хотела бы определить раз и навсегда, независимо от природы общества, от развития индивидуума и от обстоятельств.

Такой взгляд на природу права определяет «то презрение и, можно сказать, даже ненависть, с которой философская школа относится к фактам. Вот почему она насильственно подчиняет их правилам и формам, которые ей кажутся правом».

Однако ни прошедшая, ни настоящая действительность не заслуживает такого презрения, так же как не заслуживает такого доверия действительность будущая. «Мы твердо верим в реальность и законность права, в его борьбу против силы, в полезность и в нравственную необходимость поддерживать право в этой постоянной, но прогрессирующей борьбе. Мы только хотим, чтобы в этой борьбе ничто не было забыто... чтобы удары наносились куда попало». Нет таких вещей, которые бы, при множестве несправедливых элементов, не заключали в себе чего-то справедливого, а право нужно уважать повсюду. «Философская школа не понимает, что между ее исходной точкой и ее целью лежит бесконечно широкая действительность, в которой в великом смешении находится право с бесправием. В идее права, конструированной нами чисто спекулятивным путем, всегда есть нечто ложное, несовершенное, и если эта идея восторжествует, то в этом торжестве будет некоторая доля несправедливого насилия. Это значит, что нужно прекратить борьбу за право, это значит только, что эту борьбу нужно вести осмотрительно и к каждому политическому акту почаще прилагать идею справедливости». Гизо резко выступает против «натурализма» XVIII в. «Человек природы» для него — чистый умственный феномен, гипотеза, имеющая под собой никаких оснований. Поэтому он выступает против теории общественного договора, вызывавшей возражения буржуазных идеологов послереволюционной поры. Гизо не может мыслить исторического человека вне общества, а цивилизацию, нравственность, идеи он рассматривает как продукт социальной жизни. В этом отношении он как будто смыкается с исторической школой, однако тотчас же противопоставляет ей свою точку зрения.

По его мнению, историческая школа совершает ошибку еще большую, чем школа философская, утверждая, что идеи права не существуют вовсе и что все право заключается в сумме установленных фактов, в действительности. Для этой школы не существует развития, для нее объяснение фактов есть и оправдание их. Она впадает, таким образом, в нелепый формализм. Старинке исторической школы доктрина противопоставляла динамику развития. Доктринеры пытались объединить философскую и историческую точку зрения: «Они смело перенесли вопрос на теоретическую почву, противопоставляя принципы принципам, апеллируя не только к опыту, но и к разуму, взывая к праву, а не к одним только интересам, и требуя от Франции не признания своей вины и не признания своей беспомощности, а усилий, чтобы выйти из хаоса, в котором она находилась». В период Реставрации такие идеи имели ярко прогрессивный характер и играли большую роль в борьбе с реакцией. Однако во многих отношениях справедливо критикуя философскую школу за ее логизм, робинзонады и отсутствие историзма, Гизо с его «осторожностью» в отношении к прошлому и настоящему, с его боязнью нарушить права отживающего почти отвергал идею насильственного свержения торжествующего бесправия. К концу 20-х годов, вместе с широкой массой либералов, он несколько сдвинется влево, в 1830 г. не без колебаний станет на сторону революции, но, получив власть, снова восстановит свою старую «осторожность» и окажется главою «партии сопротивления».

Как видим, политические и исторические положения Гизо вполне совпадали. Доктрина на основе прошлого объясняла настоящее и конструировала будущее. Она утверждала законность и необходимость развития и рассматривала все нравственные категории как результат исторической эволюции.

Теорию государственной власти Гизо строит на правовом принципе: «Каков источник высшей власти и каковы ее пределы?» Покоится ли государственная власть на соглашении, т.е. на старом принципе «общественного договора»? Иначе говоря, предшествует ли принцип государственной власти самому существованию общества? Мы знаем, что Гизо, отвергавший натуралистическую точку зрения, рассматривал свободу как специфически общественное явление. Так же он рассматривает и государственную власть. Общество создает государство, т.е. идею порядка, «правила» (*regie*), общеобязательного закона. Это социальное правило — разум, справедливость, присущие каждому человеку. Если человек только «уступает силе», это значит, что он не подчиняется правилу, и в таком случае ни общества, ни правительства не существует. Если же в отношениях со своими ближними человек подчиняется не только силе, но и правилу, тогда существует общество и правительство. Основной принцип общества и правительства заключается в том, чтобы оставить силу и подчиняться правилу. Все человеческие и социальные отношения, даже отношения семейные, покоятся на этом признании правила, не зависящего от воли отдельного человека и даже от воли всего коллектива.

Вплоть до последнего времени, говорит Гизо, полагали, что первоначальное и абсолютное право законодательства, т.е. право абсолютной власти, находится в распоряжении какой-либо части общества, будь то один человек, несколько или все. Но это право неизбежно приводит к тирании — монархической, аристократической или демократической, а тирания в любых ее формах тотчас вызывает оппозицию. Принцип государственной власти, следовательно, заключается не в воле какого-либо одного человека и не в воле собрания людей. Наедине с собой или в сношениях с другими людьми человек всегда ощущает «естественный закон», определяющий его поведение. «Он всегда чувствует нечто, что не есть его воля, но что должно его волю определять. Он чувствует, что разум и долг предписывают ему то или другое... Таков закон, стоящий выше человека и созданный для него, закон божественный». Гизо утверждает нечто вроде категорического императива, регулирующего государственную жизнь, явно оставляя традицию французского эвдемоцизма и обращаясь к кантианской этике.

Человек несовершенен, он не может утверждать, что в каждую данную минуту обладает истиной. Поэтому и абсолютная власть не может принадлежать никому — ни одному, ни многим людям. Единственное правительство, которое осуществляет эту идею правового, а не деспотического государства, есть «представительное» правительство.

Таким образом, государственная теория Гизо прямо противопоставлена теориям XVIII в., проповедовавшим на основе естественного права принцип народного суверенитета. Его теория построена на принципиально ином философском базисе. Пугас утверждает, что Гизо заимствовал свою теорию у Дестюта де Траси («*Commentaires sur l'Esprit des Lois*»), ссылаясь на то, что и тот и другой основывали свои рассуждения на «разуме». Однако принципы рассуждения в обоих случаях совершенно различны. Гизо строит свои рассуждения не на данных логики, как Дестют де Траси, а на данных истории, он говорит не

об эгоизме, а о чувстве справедливости, свойственном каждому человеку, и создает не отвлеченную «конституцию», но «философию государства», приспособленную к интересам сражающейся с феодализмом буржуазии. В период Июльской монархии Гизо ссылаясь все на тот же «разум», стремясь оправдать свою реакционную политическую деятельность.

Итак, право власти принадлежит не людям, а истине, разуму, справедливости. В каждом обществе заключено определенное количество этих справедливых представлений о взаимных правах людей и их социальных отношениях. Эти понятия живут среди людей, составляющих данное общество, но распределены между ними неравномерно, в зависимости от различных причин, влияющих на умственное и нравственное развитие людей.

Задача заключается в том, чтобы собрать эти рассеянные частицы справедливости и разума и организовать их в правительство. Представительная форма разрешает эту задачу. Она заключается не в арифметическом подсчете голосов, но во всех институтах свободного государства: гласности, выборах, свободе слова, ответственности. Представительная форма правления предоставляет каждому человеку свободу борьбы с тем, чтобы с большей легкостью отделились истина от заблуждения и добро от зла.

Представительное правление может выделить все то количество истины, которое доступно данному обществу, и превратить эту ретину в единственно законную для данного общества власть.

Истина, рассеянная в индивидуумах и обнаруживаемая средствами гласности и свободы слова, есть не что иное, как общественное мнение, «голос народа», уподобленный «голосу истины?». Это не та истина, которую проповедовали в эпоху Просвещения, — конструированная чисто логическим путем в голове философа и общеобязательная для всех веков и народов. Критерий и социальная значимость ее определены на совершенно иных началах.

Здесь опять бросается в глаза несомненное влияние «философии здравого смысла» Томаса Рида. Последняя апелляция от разрушающего скептицизма Юма и эмпиризма Локка к «общепринятым» и, следовательно, несомненным очевидностям принимает здесь не логический, а конкретно исторический характер. В этом и заключается противоречие между философией XVIII в. и доктриной: упование на «коллективный» разум в отличие от абстрактно оперирующей логики одного «просвещенного» ума. Среди колебаний и сомнений, среди борьбы самых противоположных направлений эта теория прогрессивным умам должна была показаться особенно утешительной.

Другая особенность этого доктринерского «здравого смысла» — пределы, которые он сам себе полагает. Он относителен, — он определен степенью духовного развития общества. Поэтому истина, им провозглашаемая, имеет исторический смысл и годится только для данного общества и данной эпохи, — и это также категорически противопоставляет его абсолютному здравому смыслу XVIII в.

Так общественное мнение оказывается совестью данной эпохи, определителем ее духовной ценности и ее положения в ряду других эпох. В общественном мнении обнаруживается нравственное самосознание общества. Вот почему историки-доктринеры так интересовались историей общественного мнения, проявляющегося с особой силой в мечте и легенде. Вот почему фактическая история была для них иной раз даже не так интересна, как история поэтического и символического, любовно сотворенного вымысла (НСФ, IV, 21 и др.).

3

Каждое существующее на земле общество обладает некоторым количеством справедливости и разума, — это необходимый вывод из всех положений Гизо. Прежде всего, общество, лишенное всякой справедливости, не заключающее в себе ничего разумного, было бы лишено всякого смысла и выпадало бы из общей системы исторического развития, нарушало бы причинно-следственную связь событий и вместе с тем основные законы бытия.

«Человек носит в себе некоторые идеи порядка, справедливости, разума и известную потребность доставить им господство, привести их в обстановку, среди которой он живет; он постоянно удится над этим; и если государство продолжает существовать, труд этот приносит свои результаты. Человек... вносит в мир, котором он живет, начала разума, нравственности, «законности». Но и независимо от человека существует закон провидения, алогичный тому, который управляет материальным миром. Согласно этому закону, для того чтобы какое-либо общество могло действовать, оно должно обладать известным количеством порядка, разума и справедливости. Уж самый факт его более или менее продолжительного существования свидетельствует о том, оно не совсем абсурдно, безумно и несправедливо» (НСЕ, III, 9).

В философско-исторической концепции Гизо это положение имеет чрезвычайно важное значение. Всякое общество, существовавшее в течение некоторого исторического времени, имело разумное основание своего существования. Оно не было случайным и абсурдным, оно не было излишним в биографии человечества, следовательно, историк не может отвергать с чисто логической точки зрения, как варварское и несовершенное, ни одно из когда-либо существовавших обществ. Он должен обнаружить в каждом из них крупицу разума, которая делает его необходимым звеном чередования событий, должен в каждой эпохе увидеть этап одного, но осмысленного пути, принять прошлое не как неподвижный идеал социального совершенства и не как печальное заблуждение, в котором погрязло неразумное человечество, но как фазу развития, смысл которой заключался в том, чтобы быть пройденной, обусловив собою дальнейшее совершенствование. Эта динамическая и историческая точка зрения была новостью, введенной в науку доктринерами. Она была противопоставлена просветителям, подвергавшим старину чисто рационалистической критике, и ультрароялистам, отвергавшим всякую новизну и всякое развитие.

Курсы 1828—1830 г. ставят своей целью «оправдание истории» во имя прогресса, предпринятое Гизо еще в 1820 г. Анализируя государственные системы, противоборствующие силы, экономическое строение и духовную культуру общества, Гизо обнаруживает в них элементы разума, которые оправдывали существование учреждений и обуславливали дальнейшее развитие. X в. феодализм был «необходим», это была единственно возникшая социальная система, и повсеместное ее распространение называет это (НСЕ, IV, б—7). Необходимо было и падение городских республик, которые с таким упорством защищали и такую горечью оплакивали патриоты XV в. Не только необходимо, но и полезно: «Всякая система, которая не обеспечивает порядка в настоящем и, движения к будущему, порочна и должна погибнуть. Такова была в XV в. участь старых политических форм, старых европейских свобод» (НСЕ, XI, 18—19).

Эта тенденция может быть выражена знаменитой формулой: «Все действительное разумно». Исходя из тех же оснований, на которых создавал свою систему Гегель, и отчасти под влиянием зарубежной философии, Гизо приходил к той же идее, хотя в его трудах, так же как и у Кузена, она не получила этой формулировки. Те же упреки, которые не раз обращались к Кузену и Гегелю, могли бы быть адресованы Гизо. Конечно, законы, которые он открывает в прошлом, иногда превращаются в простую констатацию исторического факта. Необходимость, которую он видит в истории, оказывается не столько объяснением исторических процессов, сколько простой регистрацией их. И для Гизо, почти так же как для Кузена и Гегеля, эта формула могла быть обращена: из методологического принципа и из оправдания развития, примененная к политике, она могла стать оправданием застоя. Ближайшие годы показали, что такое превращение было вполне возможно, и даже, пользуясь терминологией Гизо, «необходимо».

Действительно, усматривая во всех традициях и институтах прошлого элемент разума и справедливости, Гизо пытался сохранить их в новой представительной системе. Ведь всякая конституция оправдана уже тем, что она существует, и законодатель может прикасаться к ней только напильником, но никак не топором. Это должно было привести к консерватизму и затормозить естественное развитие общества. Судьба Июльской монархии и министерства Гизо показали это.

Следствием указанного выше методологического принципа является также внимание ко всякому учреждению древности, к каждой, самой темной и, может быть, на первый взгляд незначительной, социальной функции и праву. Ничто не случайно, следовательно, все может обнаружить скрытой разум, руководящий жизнью всей системы. Но этот общий разум можно понять только в совокупности всех элементов эпохи, поэтому к исследованию нужно привлекать все, что в эпохе заключается. Иногда противоборствующие течения свидетельствуют о назревшей в данном обществе «единой» необходимости, и реформа церкви, предпринятая соборами, столь же показательна, как и реформа народная, закончившаяся отпадением от Рима половины Европы (НСЕ, XI 30—31).

Другим следствием этого положения было то, что в поле зрения историка вступила духовная культура — не как украшение того или иного царствования, но как один из важных элементов Общественного развития. Сотни страниц «Истории цивилизации во Франции» посвящены «силе идей», «силе общественного разума» (*la force des idées, de l'intelligence publique*). Сила эта не всегда протекает по отведенному ей руслу, иногда она не имеет никаких узаконенных средств своего проявления, и тем не менее, называет влияние на правительство. Так было в христианской церкви от V до XII в., во Франции XVII—XVIII вв., почти так же обстоит дело и в эпоху Реставрации. Правители не могут не поддаться требованиям масс. Общераспространенные идеи обладают принудительной силой. Так

осуществляется господство коллективного разума даже над теми правительствами, которые пытаются сопротивляться общему движению мысли (НСЕ, VI, 6—11). С такой точки зрения важными оказываются не только чисто политические идеи, но и идеи нравственные, религиозные, эстетические, литературные, не только потому, что они свидетельствуют о состоянии «внутреннего человека», но также и потому, что прямо или косвенно они влияют на жизнь государства, на политическую и административную систему, на всю совокупность общественной организации.

Такое понимание природы и средств социального развития позволяет Гизо смотреть на историческую и политическую действительность спокойным и уверенным взором. Это и составляет отличительную черту всех его работ, даже полемических брошюр. Барант, близко знавший философско-исторические воззрения Гизо, подчеркнул это впечатление, вынесенное им из чтения «Опытов по французской истории»: «Г-н Гизо заканчивает свою книгу с чувством уверенности и спокойствия. В заключении ее, так же как и во всех предыдущих страницах, обнаруживается глубокое убеждение в могуществе разума и равнодушие, может быть чрезмерное, к временным неудачам, которые могут постигнуть это благородное дело; но никакого раздражения против каких бы то ни было мнений; все они кажутся автору явлениями необходимыми; каждому из них назначено свое время, и каждое *W* господствует в присущих ему формах и через соответствующих ему людей».

4

«Необходимость» исторического развития, принятая Гизо, ставит перед ним проблему, которую страстно обсуждали все историки эпохи. Это проблема необходимости и свободы. Особое понимание она привлекает к себе во второй половине 20-х годов.

Как и все доктринеры, Гизо признает личность свободной: человек «свободно» осуществляет план, который «необходимо» должен быть выполнен. Человек свободен в той мере, в какой он разрешает свою частную задачу, поставленную перед ним историей. Он выполняет план, который задуман не им, которого он даже не знает; он — сознательный и свободный работник дела, которое лежит вне его разумения. Он может понять его, да и то весьма неполно, только впоследствии, когда оно уже реализовано в своих результатах. «Однако оно совершается благодаря его сознанию и его свободе. Представьте себе большую машину, общий смысл которой понимает только один ум, а различные части поручены разным рабочим, друг другу неизвестным; никто из них не понимает всего трудового процесса, окончательного результата, которому он способствует; и тем не менее каждый разумно и свободно, сознательным действием воли выполняет порученное ему дело. Так руками людей исполняются замыслы провидения; так сосуществуют два факта, обнаруживающиеся в истории цивилизации: с одной стороны то, что есть в ней фатального, то, что выходит за пределы человеческого предвидения и воли; с другой... — то, что человек вкладывает в нее своего, согласно своему разумению и воле» (НСЕ, XI, 8—7).

Гизо определяет свободу воли с принятой им философской позиции: опорный пункт для разрешения проблемы он находит в сознании, для которого свобода является непререкаемой данностью, а долг — высшим принуждением, столь же несомненным, как и свобода (НСЕ, I, 177 сл.).

Свобода воли и нравственная ответственность позволяют Гизо видеть в истории не только эгоизм и игру честолюбия, но и «незаинтересованность, нравственную деятельность», которые, по его мнению, значат в истории бесконечно больше, чем личный интерес (НСЕ, II, 254). Он полемизирует с Гельвецием, противопоставляя его индивидуализму общественный принцип нравственности, понятый в идеалистическом духе. По мнению Гизо, именно эта «нравственная деятельность» обуславливает социальный прогресс, так как понятие права, элемент разума, составляющий необходимое условие цивилизации, зависит целиком от сознания нравственного долга.

Все это нисколько не противоречит идее классовой борьбы, которую Гизо констатировал в истории и в современной Франции. Борьба, вызванная классовыми интересами, определяет направление нравственной идеи, которая приобретает силу, возносящую ее высоко над личными интересами отдельных людей.

Установленное Гизо отношение между необходимостью и свободой предполагает, что человек может играть весьма важную и совершенно реальную роль в историческом процессе. Если он не может изменить общего движения истории — например, осуществить в IX в. то, что стало возможно лишь в XIX в., то он может на своем «рабочем месте» добиться весьма значительных результатов — положительных так же, как и отрицательных. Великие люди — те, кто достиг особенно больших результатов в этой «нет обходимой» деятельности. Вопрос заключается в том, насколько «свободно» и «сознательно» осуществляли они порученное им дело.

В первых своих исторических трудах Гизо, по-видимому, склонен был акцентировать «фатум», — очевидно, его побуждала к этому задача борьбы со старой историографией, видевшей во всем руку «государя» и «предводителя». «Причины революции,— пишет Гизо, изучая смену династии в VIII в., — всегда имеют более общий характер, чем то предполагают... События более великие, чем то кажется людям, и даже те, которые как будто вызваны были случаем, личностью, частной выгодой или каким-нибудь внешним обстоятельством, имеют гораздо более глубокие причины и значение».

В лекциях 1820—1821 гг. Гизо рассматривал великих людей скорее как орудие провидения, чем как рабочих, выполняющих частные задания. Карл Великий совершил столь большие дела потому, что натура его соответствовала потребностям момента. «Франки хотели войны и добычи, — Карл хотел завоеваний, чтобы увеличить славу, своего имени и свои владения. Франки хотели принимать участие в управлении, — Карл часто устраивал народные собрания и делал главных представителей землевладельческой аристократии герцогами, графами, *missi dominici* и т.д. Он был более воинственен, чем воины, интересовался религиозными делами больше, чем самые набожные, любил науку больше, чем самые ученые,... он был всегда впереди всех потому, что его гений во всех областях гармонировал с его эпохой». Это «непосредственный» и «бессознательный» великий человек, счастливая организация, возвышавшаяся над окружающими только количеством энергии и страстей, типичных для всех его современников.

Еще более «непосредственным» и «бессознательным» гением выступает Хлодвиг, живописную характеристику которого Гизо дает в «Опытах». Великий человек — это сила, в самой себе заключающая принцип и цель своей деятельности, безотчетно рассматривающая мир, как свою собственность, которую она стремится завладеть часто лишь потому, что ей нужно проявить себя в действии. «Она действует как сила судьбы (*comme une puissance predestinee*), которая движется, распространяется, завоевывает, покоряет, чтобы насытить свою природу и выполнить миссию, которой она не сознает».

Несомненно, этот портрет первобытного Хлодвига написан с Наполеона, причем император был интерпретирован в явно байроническом плане. Это сила стихийная, почти не размышляющая, в погоне за славой попирающая законы и покоряющая землю, но, помимо своей воли, осуществляющая замыслы провидения. Это всегда — бич, но в варварские эпохи такие великие люди создают большие государства.

Такой взгляд на природу «великого человека» совершенно согласуется с теорией Кузена, которую тот с особенной яркостью изложил в курсе 1828 г. Но в 1828 г. Гизо слегка переменяет тона, в которых он рисовал своих великих людей. Теперь он подчеркивает в них элемент сознательного служения идее. Появление их он считает одной из причин развития цивилизации: «Бывают люди, которых поражает и возмущает зрелище общественной анархии и неподвижности, которым оно кажется фактом незаконным; ими овладевает непреодолимая потребность изменить этот факт, установить какое-нибудь правило, какой-нибудь всеобщий, правильный, постоянный принцип в лежащем перед их взором мире. Это власть страшная, часто тираническая, совершающая множество беззаконий, впадающая во множество заблуждений, так как ей сопутствует человеческая слабость, и все же власть славная и спасительная, так как она рукою человека сообщает человечеству могучий толчок, великое движение» (НСЕ, III, 23—24). Деятельность великих людей — одна из движущих сил истории, четвертая в перечислении Гизо.

То, что в курсе 1820 г. казалось основным, теперь стало второстепенным и побочным. Не жажда славы, не страсть завоевания создает великого человека, а нравственное чувство, желание прийти на помощь обществу и установить спасительный порядок. И если верно, что Гизо, как и все почти люди 20-х годов, говоря о великом человеке вообще, имел перед собою образ Наполеона, то теперь император казался Гизо не великим завоевателем, а великим организатором, который подавил анархию и утвердил во Франции «единое правило», превратившееся, вследствие неизбывной человеческой слабости, в страшный деспотизм.

В следующем 1829 г. Гизо, говоря о Карле Великом, выражает свою мысль еще более отчетливо: «Неужели судьба великих людей только в том, чтобы тяготить человеческий род и изумлять его? Неужели проходит бесследно их энергичная и блестящая деятельность? Следует ли рассматривать этих могучих и славных вождей веков и народов как бесплодный бич или как обременительную роскошь?» Великий человек понимает реальные потребности своего времени и направляет все социальные силы к намеченной цели; в этом его слава. Но он не удовлетворяется этим: он хочет большего, он желает распространить свою власть безгранично и овладеть будущим, как он овладел настоящим. Он ведет народ туда, куда народ идти не хочет, тогда великий человек остается один и гибнет (НСЕ, II, 263—265). Но это уже, конечно, история не Карла, а Наполеона.

В 1830 г. характеристика Карла продолжает эволюционировать. Произведенная императором внутренняя организация Европы кажется более важной, чем попытка создать мировую монархию. Карл не только усвоил страсти своей эпохи и уподобился каждому из своих современников: он «понял действительные потребности своего времени; он работал в направлении естественного течения событий» (HCF, IV, 68—69). А это значило больше, чем завоевать империю, так как последняя распалась на свои составные части, между тем как установленный Карлом феодальный строй стал той «необходимостью», которая определила бытие Европы на много столетий.

Такова, следовательно, задача правителей: угадать потребности времени, уловить желания масс и, пользуясь обстоятельствами, вести человечество к цели «с тем рассчитанным увлечением, с каким предается кормчий воле сильного, но попутного ветра». Таким образом, Гизо далеко отходит от своих прежних взглядов. Теперь великий человек оказывается представителем эпохи только в том смысле, что он разрешает задачи, стоящие перед эпохой, удовлетворяет ее потребности. Он не похож на людей, составляющих данное общество. Определив его нравственные черты, историк не может перенести эти черты на каждого его современника. Гизо отчетливо формулирует это в 1829 году: «Вообще только с величайшей осторожностью следует поддаваться искушению — рассматривать одного человека как образчик представителя своей эпохи. Такие сопоставления скорее остроумны, нежели основательны. Прежде всего, общество, как бы глубоко оно ни пало - и как бы ни было оно бесплодно, в умственном отношении всегда больше и богаче, чем индивидуум; оно заключает в себе множество идей, знаний, нравственных явлений и потребностей, которые не умещаются в узких пределах индивидуальной жизни; с другой стороны, выдающийся человек, даже если он не отличается особой оригинальностью, всегда сильно отличается от массы своих современников; он — это он, а не народ» (HCF, II, 346).

Гизо с его тонким чувством исторической реальности протестует здесь против теории Кузена, который готов был, ради философско-исторических обобщений, каждую эпоху представить в виде биографии какого-нибудь великого человека, на том основании, что каждая эпоха осуществляет одну идею, получающую свое выражение в одном человеке. Этот простейший историко-исследователь составляет особый интерес на фоне той «символической» школы, которая, с легкой руки Кузена, оказалась на некоторое время доминирующей во французской исторической мысли.

Итак, история не есть простое изменение. Это, прежде всего, развитие, переход человечества из одного социального и нравственного состояния в другое, чередование эпох. Чтобы понять исторический смысл этого развития, нужно понять разницу между сменяющимися эпохами и, следовательно, определить сущность каждой данной эпохи.

Вновь мы встречаемся с понятием эпохи, имеющим в системе Гизо такое же значение, как и у всех современных ему историков. Эпоха обладает единством: во всех проявлениях ее исторической жизни обнаруживаются одни и те же законы. Лекции по истории цивилизации исследуют все области частной и государственной жизни средневековья и вскрывают единую тенденцию, вырастающую из суммы исторических условий, из сочетания римских государственных традиций, германского завоевания и христианской церкви.

Гизо не склонен объяснять те или иные явления или события средневековой истории какими-либо частными или случайными причинами. Поэтому и национальный принцип Тьерри кажется ему неудовлетворительным. Он не согласен с тем, что распадение империи Карла Великого произошло в результате центробежных национальных сил; это объяснение кажется ему односторонним и исключительным. Он объясняет распадение империи состоянием общества и характером цивилизации, отсутствием общих идей, трудностью сообщения, узкими горизонтами средневековой жизни. Такая цивилизация соответствует мелким государственным образованиям и не благоприятствует крупным. Та же мысль подтверждается анализом средневекового законодательства (HCF, II, 440—463; III, 28).

Национальный принцип не может объяснить и смену Меровингов Каролингами, которая имела более отдаленные и глубокие причины, чем возобновление германского завоевания. Гизо объясняет этот переворот разложением галло-франкского общества и, с другой стороны, укреплением австразийских франков благодаря институту майордомов и их «естественному» союзу с папой (HCF, II, 259). Он полемизирует с Тьерри и в вопросе о происхождении коммун, который нужно изучать и более конкретно и вместе с тем с более общей точки зрения, учитывая гораздо большее количество фактов и обстоятельств, а положение колонов объясняет не завоеванием, как делал Тьерри, но тем состоянием, в котором они находились еще до завоевания (HCF, V, 131). Точно так же галльское общество до римского завоевания не вызывает у него никаких восторгов (HCF, IV, 246—248), между

тем как Тьерри склонен идеализировать все эти еще «непокоренные» примитивные общества.

Особенно любопытен вопрос о происхождении французской аристократии, дебатировавшийся с наибольшей страстью после появления книги Монлозье. В 1820 г. Гизо, вслед за Тьерри и другими публицистами, признавал существование во Франции двух народов, покоренных и покорителей, рассматривая аристократов как наследников древних франков. Однако уже в «Опытах» он отходит от этой теории, вступая в полемику с Монлозье и вместе с тем с Тьерри, которого он здесь не называет. Аристократия, по его мнению, составила не из свободных франков, и в образовании этого класса и всей феодальной системы сыграл роль ряд других — экономических, юридических, политических причин. Иначе говоря, причиной была экономическая «структура эпохи».

Основная задача, следовательно, заключается в том, чтобы определить «возможности» эпохи и, вместе с тем, ее «потребности». Общее состояние цивилизации, т.е. вся сумма экономических, юридических, культурных причин определяет возможный для нее путь развития, а эта возможность является вместе с тем «потребностью» и «необходимостью» эпохи. В период раннего средневековья такой потребностью и необходимостью было феодальное раздробление, причины и законы которого Гизо изучал в своих лекциях. В позднем средневековье наблюдается противоположный процесс, процесс объединения в абсолютные монархии и единую церковь, процесс столь же «необходимый», как в свое время был необходим процесс феодального раздробления. И то и другое движение было прогрессивно и, следовательно, разумно.

Тьерри обличал модернизирующую тенденцию классической историографии, главный и самый страшный ее порок. Гизо борется с модернизацией так же энергично, но эту модернизацию он видит и в работах Тьерри. Постоянному сочувствию Тьерри ко всем побежденным Гизо противопоставляет свою уверенность в благой целесообразности истории.

Он вступает в скрытую полемику с Тьерри в вопросе о средневековых коммунах. Тьерри оплакивает утрату коммунальных вольностей как утрату свободы, как гибель демократического принципа и вместе с тем основной ценности европейской средневековой цивилизации. С того момента, как короли подавили городскую свободу, начался, по мнению Тьерри, упадок юродской жизни и политический регресс. С точки зрения Гизо, это модернизация средневековых отношений. Победа коммун над сеньерами была фактом прогрессивным, но столь же прогрессивным фактом была и победа королевской власти над коммунами. Потеряв свое самоуправление, города продолжали интенсивно расти, цивилизация не пала, но развивалась, так как свобода, которую горожане отвоевали у феодалов, была совсем не похожа на свободу, за которую борется Франция XIX в.

Каждая эпоха разрешает свою особую задачу. На разрешение этой задачи направлены все силы данной эпохи, это и составляет ее единство и противопоставляет ее всем остальным. Характер эпохи определяется не формой правления, не борьбой тех или иных «властей», не борьбой национальностей, даже не совокупностью юридических и социальных институтов, но общей социальной и, следовательно, нравственной тенденцией, выражающейся одновременно и в культуре, и в учреждениях. Противоречия и социальная борьба эпохи становятся понятными только в свете этого основного ее движения. В понятии «тенденции» и «потребности» находят свое примирение телеологическое и каузальное изучение истории — цель и направление исторического развития определяются экономическими и нравственными потребностями общества или, как мы сказали бы, ведущего класса.

Единство эпохи заключается в том, что одни и те же потребности и тенденции проявляются во всех областях жизни народа. Причина, трансформирующая королевскую власть, та же, что и причина, трансформирующая католическую церковь, определяющая литературу и искусство, создающая готические соборы. Цивилизация одного исторического периода в различных странах может принимать различные формы, но тем не менее эта цивилизация едина.

В условиях Реставрации эта мысль имела большое политическое значение, так как противопоставляла объединенные усилия европейских народов сплоченному фронту европейских «кабинетов». Уже в «Происхождении представительного правления» Гизо говорил о единых стремлениях европейских народов, о едином движении европейской цивилизации, и видел это единство во всеобщей тяге к представительному правлению.² Отсюда легко было сделать вывод, что рано или поздно Франция получит ту сумму свобод, которой давно уже обладает Англия.

«Когда вы изучаете цивилизации, предшествовавшие цивилизации современной Европы, вас удивляет царствующее в них единство. Кажется, будто они происходят из одного факта, из одной идеи, можно подумать, что обществом владеет один единственный закон, который определяет учреждения, нравы, верования». В Египте и в Индии это был принцип теологический, в других странах — господство касты завоевателей или господство демократии, как на средиземноморском побережье (НСЕ, II, 3—4) Современная цивилизация отличается от этих древних обществ чрезвычайным множеством и разнообразием своих элементов. Но и в этом бесконечном разнообразии единство не погибает «В жизни народа, в жизни рода человеческого, так же как в жизни отдельного человека, есть единство; но как обстоятельства жизни и деятельности человека все вместе создают его характер, единый и тождественный, так единство и история народа должны иметь своим основанием все разнообразие его бытия, всего его бытия целиком» (НСФ, II, 135).

Это единство нисколько не упраздняет борьбы, происходящей в каждом данном обществе, в каждом обществе, основанном на принципе собственности. Ведь Гизо говорит о единстве эпохи, раздираемой противоречиями, о разрешении задачи, которое осуществляется в борьбе классов и мнений

Идея единства становится методологическим принципом. Понять эпоху — значит ловить ее единство, направление ее движения, а для этого нужно определить ее специфику, смысл исторического труда, ее результат, отложившийся в историческом процессе. Для этого нужно выйти за пределы данной эпохи и рассматривать ее в длинном чередовании других, за нею следовавших Только в исторической перспективе можно понять, например, единство XIII—XV вв. «Отличительный характер этой эпохи в том, что она создала из первобытной Европы Европу современную отсюда ее историческое значение и интерес Если мы не будем рассматривать ее с этой точки зрения, если не будем искать в ней ее следствия, она быстро утомит и наскучит. Она покажется ничем не замечательной, временем, в котором хаос все время увеличивается без видимых причин, эпохой движения без направления, волнения без результатов. . . Но обратим внимание на ее следствия — эпоха эта прояснится и оживет Ее единство и интерес заключаются в медленной и скрытой работе, которая в ней совершалась» Гизо упрекает в отсутствии такой перспективы книгу Савиньи «История римского права в средние века» (НСФ, I, 393 сл.) Ведь процессы, совершающиеся в данном обществе, можно понять, учитывая новую, созданную ими эпоху, а Савиньи, как представитель «исторической» школы, этого не делал и делать не хотел

Всегда, когда это возможно, Гизо указывает на непрерывность исторического развития. В связи с этим стоит его «романизм», который находился в противоречии с торжествовавшим в старой науке «германизмом» и вызывал раздражение Дону. Постоянно Гизо указывает на зависимость новой цивилизации от римской в социальном, правовом и культурном отношениях (НСФ, III, 204).

Однако античная цивилизация резко отличается от новой своей относительной простотой. Элементы новой цивилизации гораздо многочисленнее и разнообразнее Она обязана своим происхождением нескольким культурам, прямо противоположным одна другой и долго сосуществовавшим на одной и той же почве. Римляне, кельты и германцы внесли в новую европейскую цивилизацию свои традиции, предрасположения и вкусы, смешивавшиеся в течение столетий и создавшие, наконец, некое культурное единство, несмотря на разнообразие составляющих его частей (НСФ, III, 204—205). Своей свободой Европа обязана разнообразию элементов цивилизации и постоянной борьбе, которую они вели друг с другом. В этом и заключается огромное превосходство нового времени над древностью (НСЕ, II, 10)

Вот почему такое значение в европейской истории имеет раннее средневековье. Здесь впервые столкнулись различные элементы новой цивилизации. Отсюда идут не только все монархические и феодальные учреждения Франции, но и первое чувство личной, индивидуальной свободы (НСЕ, II, 35—36; НСФ, I, 76—77, 288). Противоречивая, подвижная, покорная и меланхолическая эпоха умела создавать идеалы, прямо противоположные действительности, утвердить право личности, независимость женщины (НСЕ, II, 34—35, 12—13). Из этого хаоса развивается та новая, «справедливая» и демократическая Европа, которая ничего не отвергает, но все сохранит и примирит в единстве своей новой культуры.

Однако Гизо постоянно утверждает, что интерес его к средневековью — чисто исторический, а не политический. «Пришло время изучить это давнее прошлое нашей Франции с совершенным беспристрастием, так как мы можем многому от него научиться, не вступая с ним ни в какие споры. То, что происходило в наше время, не сделало нас равнодушными к воспоминаниям о нашем отечестве... вместе с тем здесь ничто не препятствует нашей умственной свободе, так как не в средних веках лежит разрешение волнующих нас вопросов и основание дорогих для нас прав».

Эти слова направлены против ультрароялистов, искавших в средневековье аргументов в пользу феодализма, и Барант подчеркнул это в своей рецензии. В 1829 г. Гизо находит, что теперь общество относится к средневековью с большим беспристрастием: когда-то французы знали о нем только благодаря вполне заслуженной ненависти, которую они к нему питали, теперь же, что бы ни говорили, они не боятся средних веков. Средневековые интересы в литературе и в истории не могут увлечь Францию на путь реакции, так как никто не станет мечтать о возвращении старых феодальных порядков и не предпочтет средневековую Францию Франции современной.

Точку зрения, высказанную в «Опытах по французской истории», Гизо выработал сравнительно недавно. В брошюрах 20-х годов, а также в курсе о «Происхождении представительного правления» он гораздо теснее связывал прошлое с настоящим, и с той же целью, с какой делал это в своих ранних статьях Тьерри. В это время средневековье служило ему арсеналом для политических аргументов. «Прошлое изменяется вместе с настоящим, — говорил он в 1820 г., — среди старых фактов обнаруживаются факты еще незамеченные, одни и те же имена и повествования вызывают различные чувства и представления, и человек начинает понимать, что в бесконечном открытом перед ним пространстве все остается неисчерпанным и новым перед его всегда деятельным и всегда ограниченным умом». Поэтому настало время «восстановить цепь времен», которая, несмотря на самые сильные удары, никогда совершенно не обрывается. Изучая древние учреждения, нужно привлекать на помощь современные нам понятия и учреждения, ибо мы не можем и не имеем права отречься от самих себя так же, как и от наших отцов. В средневековье можно найти традиции гражданской свободы и борьбы за нее, так же как и обоснование феодальных прав.

Возникшая из разных этнических элементов, объединившая в своей социальной и нравственной организации как будто противоположные принципы, заключившая в себе аристократию, демократию и монархию, римское, германское и христианское начала, современная европейская цивилизация должна превратить борьбу этих элементов в единство и согласие. Европейская цивилизация должна прийти к этому единству не вследствие торжества какого-либо одного начала и не вследствие уничтожения нескольких других, но примирив и сочетав все начала в большом и сложном государственном организме. Анализ средневековой цивилизации, который дан в лекциях 1828—30 гг., требует именно такого заключения. «В этом произведении проповедуется мир, — характеризовал «Историю Европейской цивилизации» ее английский переводчик, вероятно вдохновленный самим Гизо. — Основная мысль его не в том, чтобы уничтожить некоторые элементы общественной системы или некоторые формы власти. Напротив, оно показывает, каким образом, сохраняя почтение к... различным формам и социальным элементам, можно все их использовать для того, чтобы привести человека, как личность и как члена общества, к счастью». Политические выводы из этого принципа очевидны: «Конституционное правление заключается в соучастии различных властей, а не в их разделении. Аристократия нужна ему не для того, чтобы противопоставить ее демократии, а демократия — не для того, чтобы она вступила в борьбу с аристократией. Оно стремится не к равновесию сил, но к их единству».

Все эти элементы европейского общества должны эволюционировать в соответствии с потребностями времени, — только в таком случае они могут слиться друг с другом и составить «современное» единство (НСФ, IV, 5—6; НСЕ, X). Этого не случилось в Германии, в Испании, в Италии, но история Франции обнаруживает уже с XI в. тенденцию к объединению всех социальных элементов. Это основной факт истории французской цивилизации (НСФ, II, 6—7). Так Гизо доказывал свою излюбленную мысль, что Реставрация, как завершение и синтез всего предыдущего развития, должна принять в свое «единство» элементы свободы, новую буржуазию, потеснив аристократию и абсолютизм с занимаемых ими высот.

Повторяя тройственную форму диалектического развития, данную создателями немецкого идеализма, Гизо говорит: «Вначале все имеет почти один и тот же вид; только в результате систематического развития возникают различия. Затем начинается новое развитие, ведущее общество к тому высокому и свободному единству, которое является славной целью усилий и надежд человеческого рода» (НСЕ, VII). Отсюда и это «эволюционное» правило: «подходить к обществу не с топором, а с напильником».

Так Гизо создает свою утопию мира и единства между противоречивыми элементами современного ему общества. Во время Реставрации эта идея могла играть прогрессивную роль, но после Июльской революции она неизбежно стала реакционной. Во имя равновесия Гизо защищал все еще живые элементы старины и препятствовал развитию новой демократии. Крушение июльского трона было и крушением этой доктринерской утопии.

Росту политического единства, по мнению Гизо, соответствует централизация власти. «Если рассматривать вещи с общей точки зрения, то нужно признать, что преобладание местных учреждений характерно для ранних стадий общественного развития. Цивилизация постоянно стремится перенести власть выше, так как власть, идущая издали, всегда более беспристрастна и способна управлять более справедливо и разумно. Но часто также, возвышаясь, власть забывает о своем происхождении и о своей задаче: она забывает, что она создана для поддержания всех прав и всех свобод, и, не встречая отпора в энергии местных свобод, она превращается в деспотизм».

В том же 1820 г. Гизо видел возможность предотвратить столь печальные результаты; для этого Реставрация должна вернуть провинциям утраченные ими местные учреждения и возродить социальную и политическую жизнь на местах, уничтоженную законодательством революции.

Таким образом, современная эпоха, по мнению Гизо, ничего не отвергая, должна объединить и примирить все противоречия. Эта идея не чужда была и Тьерри, но у Гизо она получает более систематический характер. Представительное правление, с его точки зрения, должно выражать «синтетическое» общество. Современники отлично улавливали его основную философско-историческую идею, которую одновременно с ним развивал и Кузен. И так же, как Кузен, Гизо видел в истории средство воспитания «всечеловека», хотя и не высказывал этого так же смело. Современный человек, говорит Гизо, с его чрезвычайно развитым интеллектом, с его несколько рабским чувством уважения к авторитету, с его трусостью, свойственной векам утонченной культуры, может почерпнуть то, чего ему не хватает, в изучении средневековья. Там он найдет примеры личной энергии, веры в себя и в собственные свои силы, страсть к индивидуальной свободе и презрение к общепринятым мнениям. Симпатия к средним векам открыла для современного человека богатый источник эмоций и наслаждений, а потребность в эмоциях и симпатии не может быть вытравлена из нашей природы. «Воображение играет огромную роль в жизни людей и народов. Только одно настоящее, бесстрастное, спокойное и обыденное недостаточно для человеческой души. В нем ей тесно... она хочет больше простора, больше разнообразия. Вот в чем заключаются необходимость и очарование национальных преданий прошлого, всей той части народной жизни, в которой воображение свободно блуждает и играет в пространстве более просторном, чем современная жизнь».

Не меньшее значение для укрепления моральных и общественных связей между людьми имеет знакомство с историей учреждений, памятников, зданий. История сочетает расчлененные в сознании явления и утверждает то национальное единство, которое придает силу государствам и народам (HCF. IV, 25—28).

Так, — робко, но несомненно, — обнаруживается у Гизо воспитательное значение истории и ее роль в создании современного человека, носителя широчайшей и синтетической современной культуры. Вместе с тем, так обосновывается жанр исторического романа и исторической драмы, достигшей в эти годы полного своего развития.

6

Говоря о нашумевшей в свое время книге Савиньи «История римского права в средние века», Гизо формулирует метод, который можно считать характерным для всей французской романтической и либеральной историографии 1820-х годов.

Гизо считает аргументацию Савиньи, утверждавшего, что римское право в Европе продолжало действовать вплоть до XII в., убедительной и цель исследования достигнутой. Тем не менее труд Савиньи кажется Гизо далеко не совершенным.

Каждая эпоха может быть рассмотрена с трех точек зрения и обязывает историка к трем исследовательским процессам.

Прежде всего, он должен констатировать факты, точно восстановить все то, что было; затем он должен указать, какие законы определяли развитие общества, взаимозависимость отдельных элементов и причины их возникновения. Гизо поясняет свою мысль на примере естественных наук: «Факты в собственном смысле слова, внешние, видимые события составляют тело истории; это члены, кости, мускулы, органы, материальные элементы прошлого. Изучение и описание их составляют то, что можно было бы назвать исторической анатомией. Но ни общество, ни человеческий организм не могут быть изучены целиком при помощи одной только анатомии. Факты тесно связаны друг с другом, они следуют один за другим и вызывают друг друга действием определенных сил, обусловленных определенными законами. Общество имеет свою организацию и живет подобно индивидуумам. Эту организацию, тайные законы, которые управляют течением событий, исследует особая наука, физиология истории» (HCF, I, 391—392).

Но это не все. Зная анатомию и физиологию, нельзя представить себе физиономию личности. Если бы анатом и физиолог никогда не видали живого человека, они ничего не поняли бы в своей науке. Таким образом, работа историка заключается в изучении фактов, затем в изучении их организации и, наконец, в воспроизведении их формы и их движения, т. е. в истории фактической, в истории философской и в истории поэтической. Каждой из них можно заниматься в отдельности, но нужно помнить, что только все они вместе могут дать целостное знание прошлого.

Следовательно, без «поэтической истины» научная истина невозможна, и реставрация прошлого совершается лишь при помощи воображения. И в этом отношении Гизо приходит к тем же выводам, что Тьерри и Барант.

Еще в 1812 г., характеризуя книгу Гиббона, он отмечал как основной ее недостаток отсутствие воображения. Гиббон знал факты, но воссоздать большие исторические ансамбли, проникнуть в «нравственную глубину» истории он не мог: эти области «недоступны эрудиции и проницательности, если их не поднимают мощные крылья воображения и мысли».

Нет этих «мощных крыл» и у Савиньи. Он не умеет ни обнять больших комплексов явлений; ни различить подлинное их лицо. Конечно, самая тема его исследования как будто не очень благоприятствует драматизации, его действующие лица — тексты, но эти тексты, эти законодательные реформы принадлежали обществу, которое имело свои нравы, жило своею жизнью, они были связаны с событиями, способными поразить воображение, с завоеваниями, с основанием царств. Драматический смысл всех этих событий остался чужд Савиньи. «Отсутствие философской и поэтической истины невыгодно сказалось на критике фактических элементов истории... Он не ошибся ни в данных, ни в текстах. Но он неправильно представляет себе факты, он совершает ошибку, которую англичане называют *misrepresentation* (искажением)». Не обладая воображением, Савиньи не мог ни понять неустойчивости положения свободных людей у германских народов, ни предсказать быстрое крушение этого состояния (HCF, I, 395—396).

Эта общая истина, эта истина поэтическая и драматическая, эта историческая правда, извлекаемая из документов при помощи воображения, есть прежде всего «местный колорит», т. е. та живая конкретность, которая только и придает смысл памятникам старины, одушевляет осколки прошлого, следы давно угасших периодов! «Местный колорит», основная задача истории, ключ к прошлому, есть не что иное, как продукт воображения, творчества в одинаковой степени научного и художественного.

С наибольшей полнотой этот «местный колорит» или «поэтическая истина» могут быть достигнуты повествовательным методом.

В 1821—1822 гг. Гизо характеризовал историографические школы от Геродота до Вольтера. В ранние эпохи цивилизации, говорит он, человек ищет в истории поэтического интереса. Памятником этого периода являются книги Геродота, которым в менее культурном средневековье соответствуют хроники. По мере развития цивилизации люди начинают искать в истории представлений об обществе и государстве, социальных и философских теорий. Сочинения Робертсона, Юма и Гиббона выражают интересы такого общества. Если при этом страна живет напряженной политической жизнью, то история принимает практический характер, она становится руководством политической борьбы и учит народы защищать свои права и преодолевать сопротивление обстоятельств. Такова история Фукидида, лорда Кларендона, епископа Бернета. Обычно эти три рода истории встречаются в разные эпохи, отделенные одна от другой долгими промежутками. Только теперь, благодаря редкому стечению обстоятельств, общество ощущает потребность во всех этих историографических жанрах одновременно. Мы можем понять хронику, повествующую о нравах первобытных народов, но вместе с тем нам нужны и философские обобщения: «Если старые хроники вновь обрели в наших глазах свою прелесть, то широкие конструкции философии истории остаются настойчивой потребностью нашего ума». И только теперь, в эпоху представительного правления, мы можем понять историю публицистическую и почерпнуть в изучении прошлого не только уроки отвлеченной нравственности, но и уроки политические, важные для практической политики и государственных дел.

Таким образом, уже в начале своей исторической деятельности Гизо требует синтетической или, по терминологии эпохи, «эклектической» истории. Современная эпоха и современный человек являются синтезом предшествующего развития. Реставрация с ее Хартией и представительным правлением является завершением предыдущих веков и примирением долго враждовавших идей и классов. Это синтез всех форм правления и всех политических элементов, а современный человек — синтез человека средневековья, просвещения и революции. Литературные вкусы его должны быть всеобъемлющими, «эклектическими», «эклектической» оказывается и его философия. Естественно, что историография также должна стать эклектической, объединяя особенности всех трех известных до сего времени исторических школ. Действительно, исторические труды самого Гизо не укладываются ни в одно из перечисленных им направлений, сочетая в себе особенности каждого и вместе с тем создавая жанр, который на фоне историографического движения эпохи казался новостью и современной критике.

«Опыты по французской истории», вышедшие в 1823 г., представляли собою чисто историческое исследование или ряд «диссертаций», выражаясь языком эпохи. Следовательно, по мнению самого Гизо, труд этот не был целостным историческим сочинением, а лишь частью его — анатомией и физиологией.

Задуманная в скором времени после этого «История английской революции» должна была стать образцом той «эклектической» истории, которую Гизо считал идеалом.

«Нет более противоположных форм ума, чем ум историка в собственном смысле этого слова, повествователя и хрониста, и ум философа или теоретика», говорил Ройе-Коллар. В устах Ройе-Коллара такое противопоставление было вполне понятно: замечательный оратор даже в своих речах произносил «диссертации» и, кажется, ни разу не погрешил ни единым повествовательным отрывком. Между тем его единомышленник попытался объединить - в своем капитальном труде эти столь противоположные формы ума, так же как хотел соединить все элементы общества в «синтезе» представительного правления.

Образчики нарративной истории находились у Гизо перед глазами. «Письма о французской истории» Тьерри давно уже были напечатаны в журналах, а Барант посвящал Гизо в замысел своего основного труда еще в 1822 г. «Я в восторге от манеры, в которой вы хотите писать «Историю герцогов Бургундских», — пишет ему Гизо 22 сентября 1822 г.— Это будет ново и интересно».

Однако Гизо не отказывался ни от обобщений, ни от рассуждений, так как считал философский и политический методы составными частями современной эклектической истории. Поэтому «нарративной» можно назвать «Историю английской революции» только в широком смысле слова, и нельзя утверждать, что «эта история является и хочет быть только повествованием».³

Гизо решительно противопоставляет свой метод методу Баранта: «Чем больше моя манера писать историю будет отличаться от вашей, тем больше мне хочется, чтобы вы прочли мою книгу, — пишет он Баранту 8 сентября 1824 г., — ведь существуют сотни способов писать историю, и применение их зависит главным образом оттого, какие тона приходится передавать. Это единственное правило, не подлежащее сомнению».

Барант был уверен, что Гизо напишет свою книгу по-своему «Вы предсказали мне это, насколько помню, — писал ему Гизо, кончив первый том — Вы были правы. В этом отношении я не принуждал себя ни к чему. Я сделал то, что мне казалось необходимым, не отказываясь ни от обобщений, ни от рассказов». А Барант, познакомившись с книгой еще до ее выхода в свет, писал Сент-Олеру, работавшему в то время над своей «Историей Фронды» и живо интересовавшемуся тем же кругом теоретических вопросов: «Труд этот... написан твердой рукой, и рассказ в нем переплетается с интересом общих идей в очаровательном и даже драматическом сочетании».

История английской конституции, а вместе с тем и создавшей ее революции занимала Гизо уже много лет. Лекции, читанные им в 1820—1822 гг., больше чем наполовину были посвящены этой теме, а в брошюрах, которые он писал в начале 1820-х годов, встречаются постоянные упоминания о делах и людях Англии: он ссылается на примеры английской истории, на английские нравы, обычаи английской парламентской жизни, приводит цитаты из английских ораторов и публицистов. Через несколько лет упорного труда, подготовив к печати первые тома, Гизо писал Баранту: «Эта эпоха и ее люди в конце концов стали для меня настоящим обществом; я знаю возраст каждого, его лицо, знакомства, вкусы; я разговариваю с ними и получаю ответы; из материалов, оставшихся от истории, я мог бы написать роман, от чего боже меня сохрани!»

Действительно, история, написанная Гизо, была не менее драматична, чем роман, и читалась с захватывающим интересом.

Драматизм в книгу Гизо пришел прежде всего из материала, который она освещала. Английская революция представлялась, особенно в эпоху романтизма, в виде драмы, развивающейся в нескольких актах и заключающей в себе строгое логическое единство, особенно если рассматривать ее вместе с Реставрацией.

Между тем до сих пор эти события не получили адекватного литературного выражения. По мнению Гизо, английские труды, посвященные английской революции, лишены всяких признаков драматизма. События не оживают под пером английских историков. Даже тогда, когда их передают с точки зрения той или иной партии, они остаются мертвы. Рассказы и суждения Юма не удовлетворяют современного читателя. «История Кромвеля» Вильмена уступает многим английским работам в полноте, учености и точности, зато, как современник французской революции, автор ее лучше своих предшественников понимает страсти, мнения и события английской революции. Несмотря на его скептицизм, может быть даже чрезмерный, он изображает революцию более драматично, а следовательно, и более правдиво, чем другие историки.

Гизо полагает, что и он поймет английскую революцию лучше, чем современные англичане, для которых ближе материалы, но дальше — события и страсти, воодушевлявшие деятелей 1640 года. Он, современник французской революции, сможет драматично и правдиво изобразить то, что произошло в другой стране двести лет тому назад: чтобы быть правдивым, нужно быть драматичным.

Автор не навязывает читателю своих оценок и не хочет идеализировать героев из политических соображений. Он отдает должное талантам Кромвеля, указывая на его ловкую политическую игру. Он отделяет человека от дела, которое тот совершает. Независимо от того, каковы нравственные свойства Кромвеля, Гизо расценивает его деятельность с точки зрения политической. Он не сочувствует индипендентам, казнившим короля, — ни роялизм Гизо, весьма, впрочем, умеренный, ни вся атмосфера Реставрации не позволяли ему выразить иной взгляд. Но спокойно, шаг за шагом излагая события и поведение короля, он не скрывает коварства королевской политики и показывает неизбежность и «необходимость» этой казни. Он находит человеческие черты и в Карле I, которого он рисует двуличным, коварным, слабовольным и пустым, и в грандиозном, непреклонном, полном тайных замыслов и огромной энергии Кромвеле. Личные побуждения честолюбцев, нелепые и романтические мотивы поведения крупных деятелей, химерическая честь, сознание долга, желание свободы, материальные интересы — все эти чувства, столь разные по своему нравственному качеству и сословному характеру, Гизо угадал в своих многочисленных и разнообразных героях.

Гизо употребляет прием древних историков, — нравственный портрет. Таков, например, великолепный по художественному мастерству портрет Страффорда, данный при первой встрече с ним.

В других тонах выполнен портрет архиепископа Лоу, деятеля того же направления, хотя и иного калибра. Как и портрет Страффорда, как и все почти портреты у Гизо, он исполнен большой политической идеи.

Гизо создавал эти характеристики на основе изученных им материалов и, может быть, полагал, что они соответствуют подлинным Лоу или Страффорду. Но значение этих характеристик выходит за пределы чистой портретности. Гизо живописал здесь тип государственных людей, характерных для его времени, с долей понимания и иронии, естественной у искушенного политического деятеля. Он придавал им общезначимость, остроту и психологическую правду, делавшие их емкими художественными образами.

Лица, действующие на протяжении всей книги и играющие в ней первенствующую роль, характеризованы иначе. Гизо не дает их портрета, он показывает их в действии, всякий раз прибавляя к их характеристике какой-нибудь мелкий штрих. Он интерпретирует их поступки, стараясь подыскать мотивы их поведения, объяснить своеобразную реакцию их на внешние обстоятельства. Таков Карл, тщательно изучаемый на протяжении всей книги. Только на последних страницах, рассказывающих о его смерти, заканчивается его характеристика, сплошь развивающаяся в действии, в неопределенных решениях и импульсивных поступках, — сатирическая характеристика нерешительного монарха, находящегося под влиянием своего собственного двора и традиционных, отживших свое время понятий.

Кромвель также раскрывается перед читателем постепенно и остается неясным до конца второго тома. Гизо пользуется здесь излюбленным правилом романтиков — Кромвель появляется в книге как «таинственный незнакомец», он входит в повествование как-то боком, словно случайно, чтобы исчезнуть и снова появиться, опять-таки на краткое мгновение, через несколько десятков страниц: «Так велико было негодование палаты, что однажды она, среди всеобщей тишины и с благосклонным вниманием, выслушала человека, никому неизвестного, плохо одетого, грубого с вида, который заговорил в первый раз, как бешеный, и плохим языком, жалуясь на снисходительность одного епископа к какому-то неизвестному проповеднику, «пошлому паписту», как он выражался. Это был Оливер Кромвель» (ИАР, I, 34).

Таким образом, эта грандиозная фигура словно вырастает из окружающей ее среды, из политического быта эпохи, и Кромвель предстает перед нами, каким он был в глазах современников, и так, как он впервые появился на сцене истории, — реально и естественно, со своей незамысловатой и страстной речью, как самый обыкновенный индипендент первых фаз революции.

Иногда Гизо пользуется и «речами», заимствуя для них материал из своих документов, либо цитируя их дословно, либо перерабатывая для своих целей. (Ср. ИАР, I, 65). Смысл и оправдание утих речей — те же, что у Тьерри или Баранта.

События, повествуемые Гизо, подсказывали ему драматическую манеру изложения. Он действительно вжил в эпоху и «воображал» психологию своих героев, мотивы их поведения, их манеры и жесты. В рассказе его нет нарочитой психологии, нет подготовки и объяснений, но всегда твердо и точно намечена реакция персонажа на событие и нравственное состояние его в определенной политической ситуации. Усталость короля, отдающегося в плен к шотландцам, ужас королевы, бегущей из Оксфорда, состояние Эссекса после гибели его армии, атмосфера двора, нравственные качества кавалеров — все это изображено в действии и только в тот момент, когда это психологическое состояние переходит в поступок.

Неудачи и успехи королевских войск, блестящие победы, которые влекут за собою поражения, переговоры с парламентом, принимающие различные оттенки высокомерия и уступчивости, вдруг приобретают драматический смысл, когда Гизо констатирует впечатление, какое они производят на короля или королеву. Особенно характерна в этом отношении долгая агония последних поражений и затем перелом в психологии, после того как король стал арестантом. Нерешительный, когда ему приходилось руководить, уверенный и спокойный, когда нужно было умирать, Карл I со всеми нюансами своего характера остается цельной и понятной натурой, объясняющей его жалкую политическую роль и в известной мере течение событий.

Персонажи противопоставлены и расположены так, чтобы вскрыть конфликт между партиями и объяснить розыгрыш политической борьбы. Этот внутренний драматизм проявляется в многозначительных сценах, словно символизирующих смысл событий. Особенно замечательны последние сцены второго тома, процесс и казнь короля, являющиеся блестящим эпилогом этой долгой драмы.

Изредка и тактично пользуется Гизо мотивом предсказаний, столь распространенным в современных романах; таков, например, эпизод с водружением знамени (ИАР, I, 191).

Гизо повествует о событиях так, как будто о них рассказывает непосредственно переживающий их современник. Это манера, свойственная и Тьерри и особенно разработанная Барантом. Она восхищала критику: «Что особенно обличает у г-на Гизо строгое соблюдение исторической реальности, и что является в его книге искусством исполнения, — это стремление сохранить за людьми только то желание, какое они действительно имели в эпоху, о которой он повествует, а также стремление расположить события скорее в том порядке, в каком они поражали взоры очевидцев, чем в том, в каком они действительно происходили, и изображать их соответственно впечатлению, какое они произвели на современников, а не в том виде, в каком они являются взорам историка и потомства, посвященных в тайну развязки». Эта манера повествования не только не исключает исторического объяснения событий, но и предполагает его.

Несколько позже, в 30—40-х годах, после появления «Рассказов из эпохи Меровингов», с одной стороны, и «Истории цивилизации» — с другой, стали противопоставлять «живописную» школу Тьерри «философской» школе Гизо. Говорили, что Гизо слишком «абстрактен», что он не ощущает живого человека и самого духа прошедших эпох. Совсем иначе характеризовал «Историю английской революции» Тэн, рецензировавший книгу в 1855 г.

Существуют две точки зрения на талант Гизо, говорит Тэн. «Согласно первой, Гизо не интересуется деталями, он не хронист, не живописец нравов. Он знает парламент, поле сражения, народную площадь, но не знает кухни, алькова, столовой, будуара». Рассказывая о возвращении Карла II, о его встрече с Монком, о Нейлере, он будто бы уничтожает характерные черты, жесты, краски, все то, что мы находим у мемуаристов, и что, казалось, делает эпоху специфической и неповторимой. «Гизо будто бы забывает, что... не внешние действия людей составляют великие события, но внутренние движения души, что прозорливость в психологии — это эмоция... что сердце принимает участие в исторической работе так же, как и ум».

Ответ на эти упреки Тэн дает во второй части статьи. Гизо не рассказывает о фанатизме Джемса Нейлера, так как не пишет историю фанатизма; он приводит этот анекдот, чтобы показать ошибку парламента и политику Кромвеля. Задача Гизо — политическая история, а не история нравов, и в этом отношении он делает все, что полагается самому страстному любителю красок и конкретности. «Он вложил в политическую историю как раз то, что вы требуете, — поражающие обстоятельства, грубые выражения, подлинные слова. Он не остается, как Юм и Робертсон, в пределах общих объяснений и непрямого повествования. Он создал сцены словно из романа, суровые, если угодно, но столь же интересные, как заседание парламента или Совета». История предполагавшегося коронования Кромвеля и все эти маневры «составляют маленькую

драму, которая кажется холодной обычному читателю, но живой тому, кто прочтет ее со вниманием: это дипломатия в действии» Кроме того, он изложил и общие причины событий, заключающиеся в настроениях и воле народов. Став на политическую точку зрения, Гизо сделал свое повествование гораздо более «интересным», чем описание нравов и деталей, чем «внешние краски». Такая история более драматична, чем история-«роман».

Тэн довольно точно определил политические интересы Гизо и основной характер его труда. Только противопоставление политики «внешним краскам» не соответствует ни замыслу Гизо, ни историческим взглядам его школы.

Политический характер «Истории английской революции» резко отличает ее от «Истории герцогов Бургундских». Ведь французский XV в., по мысли Баранта и его современников, был веком хаоса, распада старых форм и идеологий, противоположных устремлений и крайнего индивидуализма. Уловить здесь ярко выраженную политическую тенденцию, по мнению Баранта, было невозможно, и хаос можно было передать только в виде детального рассказа без комментариев.

В эпоху английской революции, по мнению Гизо, давно определились тенденции, общественные силы осознали себя и вступили в политическую борьбу. Вот почему история английской революции должна включать в себя «политику», и вот почему метод Баранта к этому материалу неприменим. Это отлично понимали и Гизо и Барант.

Действительно, без комментариев невозможно было излагать эти бесконечно сложные события, и Гизо широко включает в свое повествование «рассуждения». Они принимают форму кратких сентенций, подводящих итоги событиям либо делающих из них выводы более общего характера.

«Королей легко приводит в заблуждение кажущееся раболепие народов», — пишет Гизо, характеризуя отношения Карла к Шотландии, и вслед за тем, говоря о неудаче королевской политики, добавляет: «Попытка (ввести в Шотландии епископат) имела такой исход, какой в подобных случаях часто приводит в изумление и огорчает служителей деспотизма: она оказалась неудачной в ту самую минуту, когда все сулило ей успех» (ИАР, I, 78). «Фанатизм считает ненависть и месть одной из своих обязанностей», — замечает он по другому поводу (ИАР, I, 245). Осужденным королевским судом Преину, Уортону, Баствику и другим парламент возвратил свободу и назначил вознаграждение, «которого они, однако, не получили — общая участь старых заслуг, быстро вытесняемых из памяти новыми заслугами и потребностями» (ИАР, I, 106). Говоря о позиции короля в ирландском вопросе, Гизо многозначительно комментирует ее: «Но никакой хитрости не совладать с народными страстями, и кто не хочет служить им, не обманет их» (ИАР, I, 136). Это прямой выпад против политиканов, строивших свои замыслы на политических комбинациях и интригах, и основной тезис доктрины, требовавшей политики, основанной на политической философии, на твердом понимании «потребностей эпохи». «Как в той, так и в другой партии, — говорит Гизо дальше,—ложь сделалась уже не более как устарелой и бесполезной привычкой. Этим средством уже никого нельзя было обмануть, даже народ» (ИАР, II, 33). В 1826 г. Гизо считал народное одобрение необходимым условием успешной политической работы.

Сентенции эти не случайно вырвались из-под пера размышляющего повествователя. Эта философская поэзия подчинена системе, в которой выдержана вся книга.

«Настал день, когда добро и зло, спасение и гибель так смутно смешиваются и сливаются между собою, что самые твердые умы не могут уже различать их и становятся только орудиями провидения, которое карает королей в народах и народы в королях» (ИАР, I, 187). Гизо говорит здесь не только об английских делах 1642 г. Читатель, знавший писания Жозефа де Местра, Баланша, Сен-Мартена, должен был вспомнить аналогичные события, происходившие во Франции 1789—1790 гг. Но это и не «намек», столь обычный в классической трагедии 1820-х годов: Гизо не хочет подставлять в сознании читателя на место английских событий французские. Он хочет придать частному эпизоду местной истории некий общий характер, вынести его за пределы данного исторического казуса в область политических и нравственных законов. Выражаясь языком эпохи, эти сентенции должны были придать повествуемым фактам символический смысл.

Такие сентенции в системе Баранта были невозможны, — они за повествованием обнаруживали автора и разрушали впечатление хроникальной наивности и исторической правдивости. Объяснения поступков также нарушают строго нарративный стиль. У Баранта герои действуют, как святые католических житий, — без видимых рациональных мотивов. Но англичане XVII в. не похожи на французских рыцарей XV в. и потому метод Баранта к английской революции казался неприменимым. Действительно, у Гизо каждый поступок глубоко мотивирован. Он не стесняется обнажать намерения героев, руководящие ими чувства или страсть. Иногда он признается, что мотивы их поведения ему непонятны. Он

прерывает повествование, чтобы характеризовать состояние умов в тот или иной момент своей истории: «Уже магистраты, пораженные двойным страхом, не смели действовать ни в духе рабской покорности, ни в духе справедливости, и, чтобы не накликать беды, отказывались служить деспотизму, но не поддерживали и свободы». В системе Баранта такое замечание было бы невозможно, так же как следующая горькая характеристика короля: «Являясь надменным просителем, падая под тяжестью неудач и ошибок, он в то же время грозился этим независимым величеством, абсолютным, стоящим выше всяких ошибок и неудач. Он до такой степени был ослеплен им, что ему и в мысль не приходило, чтобы кто-нибудь мог посягнуть на него. Он был высокомерен от души. Ему казалось, что честь и сан обязывают его сохранять права и тон деспотизма, требуя помощи у свободы» (ИАР, I, 23). «Некоторые начинали чувствовать страх,— продолжает Гизо несколькими страницами ниже, мастерски передавая психологическое состояние «умеренных» в начале революции, — тот откровенный страх, который рождается при виде великих смут и который не разбирает уже, кто прав, кто виноват, и что должно делать, но хочет остановить людей в ту минуту, когда они готовы кинуться друг на друга» (ИАР, I, 29).

Сколько раз читатели Гизо должны были задуматься над страницами его книги! Они словно читали рассказ о том, что недавно сами переживали, — так напоминали английский король, королева, пресвитериане, индипенденты, Кромвель Людовика XVI, Марию-Антуанетту, жирондистов, якобинцев, Робеспьера. Гизо как будто ищет таких ассоциаций, хотя не хочет ради них ничего исказить. Современный политический опыт помогает ему интерпретировать события английской революции. Именно это он и имел в виду, говоря, что французы, пережившие свою революцию, лучше могут понять английскую, чем сами англичане, забывшие эту для них давно отошедшую в прошлое эпоху.

Революционный опыт современного француза позволяет Гизо рассматривать описываемые события в обобщенном виде, наполняя их некоторой скорбной, сочувствующей и трагической «философией»: «Англия тогда находилась в одном из тех кризисов, славных и опасных, когда человек, забывая о своих слабостях и помня только о своем значении, загорается тем высоким честолюбием, которое заставляет его подчиняться только чистой истине, той безумной гордостью, которая присваивает собственному мнению человека все права истины» (ИАР, I, 253—254).

Некоторые подобного рода замечания и обобщения имеют явно злободневный характер. «Ничто не может быть опаснее, — начинает Гизо вторую книгу, — как избрать известную систему управления, так сказать, в виде опыта, и притом со скрытою мыслию, что ее всегда можно изменить. Карл сделал подобную ошибку. Он пытался управлять вместе с парламентом, но постоянно был убежден и непрерывно повторял, что если парламент будет слишком неуступчив, то он сумеет обойтись и без него» (ИАР, I, 37). Читатели 1826 г. не могли не вспомнить Людовика XVI, поступавшего в подобных обстоятельствах совершенно так же, и тем более Карла X, принявшего парламент с тою же «скрытою мыслию» и так же предполагавшего в надлежащий момент «обойтись и без него».

Сотни эпизодов, портретов, речей напоминали французам то, что происходило на их глазах, в их эпоху: мелкие заговоры, оппозиционные выступления в палате, споры о неприкосновенности депутатов, проблема выборов и злоупотребления власти — все в английской революции было захватывающе актуально и многозначительно.

Еще в 1821 г., в лекциях «О представительном правлении» Гизо поставил себе задачу — сделать историю не только чистым исследованием, но и практическим руководством к политической деятельности. Тогда он приводил в пример такой «практической» истории Фукидида. Работая над «Историей английской революции», он так же, как историк пелопоннесской войны, заботился о пользе своего труда — «для тех, кто хотел бы узнать правду о том, что происходило, и сделать выводы ради подобных или схожих событий, которые, в силу самой природы дел человеческих, когда-нибудь произойдут. Это — имущество, которое я оставляю грядущим векам, а не игра ума, созданная для того, чтобы доставить удовольствие слуху». Только Гизо рассчитывал не на грядущие века, а на свою современность, имевшую так много общего с описываемой им революцией.

Это и определило выбор темы и характер изложения. Рассказывая о поступках короля и политике двора, Гизо словно предостерегает французских ультрароялистов и придворную камарилью от опасной политики коварства и сопротивления; с другой стороны, он приводит в пример французским либералам тактику революционной борьбы и гражданскую доблесть английских революционеров. По словам Г.Планша, поклонники Гизо во втором томе его книги искали правила — «как делать революцию».

Вместе с тем, в «Истории английской революции» воплощалась идея, нигде автором не высказанная, но присутствующая во всех его трудах: история человечества имеет не только цель, но и законы, определяющие формы его развития, поведение людей и известную последовательность в течении событий. «В этой книге, — писал в своем дневнике Сисмонди, — развитие идей показано очень ново и увлекательно, она больше, чем любое другое из известных мне произведений, дает почувствовать необходимость и справедливость революции».

Это отмечено было и рецензентами. «Начерченная сильным и строгим умом, — писал Сальванди, — история вызывает в душе глубокие волнения. Повсюду обнаруживаются новые соотношения, и вскоре начинаешь сомневаться в справедливости слов Монтескье, говорившего, что в нравственной и политической области нет постоянных законов. Нечто вроде античного рока, или, вернее, два противоположных рока господствуют надо всем течением этой истории», — рок, владеющий Карлом с его упорством, почти равным величию, и рок революции, сокрушающий старую Англию и короля и ведущий революцию к ее цели».

Это не только впечатление читателя, но и мысль самого Гизо, которую Барант уловил с той же точностью, что и Сальванди. «Процесс короля драматичен, — писал он автору, — день за днем он идет, увлекаемый необходимостью. Кромвель, по-моему, изображен глубоко правдиво. В характере его обнаруживается больше твердости, но у него меньше предусмотрительности и планов, чем ему обычно приписывают. Это именно тот человек, который сказал: «Особенно далеко заходишь тогда, когда не знаешь, куда идешь». В этом ощущении роковой необходимости событий и заключается, как подсказывает Барант, та форма драматизма, которая была особенно распространена в романтическую эпоху.

Современная критика отмечала, что вся система изложения Гизо, — обобщения и сентенции, интерпретация поступков и намерений, характеристики действующих лиц и момента, как и стиль повествовательных элементов, — противоречат нарративной системе Баранта.

Сальванди приветствует отказ Гизо от его прежнего диссертативного метода, находя, что только благодаря этому методу «Опыты» не добились заслуженной славы. Все же он противопоставляет его повествование стилю Баранта: «Ум, привыкший к высоким размышлениям, обнаруживается только в уверенности, с какой он проникает в замыслы партий, показывает их страсти, обнажает перед нашими глазами сцепление причин... Однако он не отказывает себе, как один из самых остроумных историков нашего времени, в праве высказать свои размышления и оценки посреди рассказа: его мысль, всегда быстрая и живая, освещает ход событий, не прерывая их. Это удачные снопы лучей, редкие маяки, ярко намечающие путь борозду света». Рецензируя второй том, Сальванди даже слегка упрекнул Гизо в том, что он внес в историю «философский стиль» и метафору в абстракции и тем нарушил чистоту исторического повествования, а может быть, и его величие.

Рецензент «Revue Encyclopedique» также говорит о разнице в повествовательной манере Баранта и Гизо. «Форма хроники подходит для эпох, где личные приключения, битвы и празднества составляли почти всю историю», — пишет он, объясняя манеру Баранта особенностями его материала. Но английская революция требовала другого изложения: нужно было рассказ сочетать с пояснениями, — иначе нельзя было бы показать ни состояния общества, ни причин народных волнений, нельзя было бы объяснить победу или поражение тех или иных партий. «Г-н Гизо сумел соединить и философскую, и живописную сторону истории, не забывая и драматического аспекта событий».³

Впрочем, слабее всего, или, вернее, наименее выразительным был чисто живописный элемент. «Globe» отмечал это, говоря, что Гизо рисует больше для ума, чем для глаз, что он не стремится быть колористом и даже пренебрегает драматическими эффектами, «увлечение которыми у нас доходит до претенциозности и манерности». «Journal des Debats», соглашаясь с этим, подчеркивал «внутренний» драматизм повествования: «Его искусная композиция и, так сказать, умение расположить материал придают мощный рельеф всем сценам, всем битвам, о которых он говорит... Он переносит нас в гущу событий и отдает нам на суд людей, партии, наконец самую судьбу и ее разнообразные превратности. Прочтя Юма, Лингарда и Рапен-Туара, можно знать английскую революцию («on connatt la Revolution d'Angleterre»). Но понимаешь ее («on la sait») только прочтя Гизо».

«Globe», рецензируя второй том, полагал, что показывать разницу между Юмом и Гизо, как он делал это в рецензии на первый том, теперь уже не требуется. Герои Гизо — живые люди, обладающие собственной волей и индивидуальной психологией, иначе говоря, нравственной свободой и ответственностью, что для самого Гизо было особенно важно. «Он не принадлежит к тем, кто превращает историю в отдел механики, рассматривая людей

только как массу или как силу, которая при данном результате производит только лишь действие». И Кромвель — не только идейный представитель своей партии, но тонко нюансированная, развивающаяся индивидуальность.

Сильвестр де Саси в 1854 г., при появлении третьего тома, вспоминал восторги, которыми были встречены первые два, сочетавшие философскую глубину с драматическим изложением. Это сочетание особенно ценили многие читатели, которых книга Баранта раздражала отсутствием точно сформулированных выводов.

Вся пресса была одобрительная, и только изредка звучали нотки сомнения. Роялист Фьеве, рецензируя новое издание книги Юма и оправдывая его исторические взгляды, утверждал, что революции всегда одинаковы: они стремятся либо утвердить новые интересы, либо восстановить старые права, погрязшие правительством. Разница же между революциями зависит от нравов и предрассудков, живущих недолго и не играющих в истории значительной роли. Движут историей не мнения, а потребности. Английская революция совершалась под знаменем религиозных идей, быстро исчезнувших из истории, но она основала новый общественный строй.³ Рассуждения эти в основе своей согласуются со взглядами доктринеров, но Фьеве считает предрассудками то «мнение», которому доктринеры придавали большое значение, и явно протестует против «духа времени» и «местного колорита». Это подчеркивается тем, что, в пику романтикам, он превозносит Юма и высказывает сомнение в том, чтобы его хулители смогли написать историю революции лучше него. Слова эти были написаны через три месяца после появления книги Гизо.

Продолжение книги задержалось почти на четверть века. Вскоре после появления второго тома Гизо начал свой курс истории цивилизации, который надолго отвлек его внимание. В 1830 г. началась его государственная деятельность, и третий том был напечатан только через несколько лет после февральской революции.

Но это была уже другая эпоха. Между первыми двумя томами и третьим легли две буржуазные революции. Июльские дни положили конец феодальной контрреволюции, с которой боролся Гизо. В период Июльской монархии он пытался осуществить свои политические идеалы «синтеза», или, вернее, компромисса, и тем самым вступил на путь реакции. История пошла по другому пути. Позиция Гизо определила характер третьего тома, свидетельствующий об изменении исторических взглядов автора. Здесь нет надежд на революционную мощь народа и на прогрессивное развитие истории. Еще в 1850 г. Гизо выпустил свое рассуждение: «Почему удалась английская революция?» «Из этого памфлета видно, — писал К.Маркс, — что даже самые умные люди ancien regime'a, даже те люди, которым ни в коем случае нельзя отказать в своего рода историческом таланте, до того сбиты с толку роковыми февральскими событиями, что они лишились всякого исторического разума, даже разума своих собственных прежних поступков. Вместо того чтобы понять на основании опыта февральской революции радикальное отличие исторической обстановки и взаимоотношения классов общества во французской монархии 1830 г. и в английской монархии 1688 г., господин Гизо сводит все различие их к нескольким моральным фразам, клянясь в заключение, что обанкротившаяся 24 февраля политика «только одна способна сохранить целостность государств и одолеть революции». И, указав на множество роковых ошибок Гизо, Маркс заключает: «Да, не только *les rois sen vont* (короли уходят), но и *les talents de la bourgeoisie sen vont* (таланты буржуазии уходят)».

8

Так велико было увлечение повествовательной, живописной и драматической историей, что в первой же лекции своей «Истории цивилизации в Европе» Гизо счел нужным оправдать свою тему. Он утверждал, что цивилизация — такой же факт, как любое другое историческое событие, и лекции его будут не просто философскими рассуждениями по поводу фактов, но рассказом о фактах. Разница в том, что это факты другого рода, их труднее изучать и излагать. «Бывают события материальные, видимые, как, например, сражения, войны, официальные акты правительства; бывают события нравственные, скрытые, но тем не менее столь же реальные. Бывают события частные, имеющие собственное имя; бывают события общие, безымянные, точную дату которых установить нельзя, которые нельзя заключить в строго намеченные пределы, но тем не менее это тоже факты, и факты исторические; их нельзя изгнать из истории, не искалечив ее» (НСЕ, 1,6).

Таким образом, история цивилизации получила право гражданства, как история «фактов», только не материальных, а духовных. Вместе с тем она получила право на драматизм и увлекательность, в которой отказано было чистому рассуждению на исторические темы. В этой фактичности заключалось ее принципиальное отличие от «философской» истории предшествующего периода.

Ораторский талант сыграл лишь небольшую роль в успехе этих лекций. Захватывало содержание, необычайная для того времени широта взглядов, беспристрастие, не навязывающее истории, как казалось слушателям, собственных идеалов историка, смелая мысль, рассматривающая духовную историю Европы в действительно драматическом движении. Последовательное чередование культурно-исторических картин, изучение европейской цивилизации в разных ее аспектах и в процессе ее становления, острое ощущение исторической динамики делали эту книгу столь же увлекательной, как рассказ о войнах и революциях. Маркс и Энгельс ссылаются на лекции Гизо в своей полемике с Максом Штирнером.

«История цивилизации» сыграла значительную роль в политической борьбе накануне июльской революции. Здесь с необычайной широтой было показано развитие демократии и становление новой, «свободной» Европы в течение веков. Идеалы 1789 г. выступали в диалектике их исторического развития, в их самых парадоксальных трансформациях. Борьба народов за свободу и справедливость изображена в неуклонном, неудержимом ее движении сквозь все препятствия. Самые противоречивые мечты человечества, начиная от религиозной мистики житий и фантастики рыцарских романов и кончая восстаниями и законодательством, оказывались актами все той же борьбы за более совершенный общественный строй и более нравственные отношения человека к человеку. Читатели чувствовали за собою глубокую традицию борьбы за справедливость и видели неизбежные и радостные перспективы в будущем. Но после июльской революции, когда обещанный буржуазными идеологами совершенный и справедливый общественный строй столь явно оказался господством буржуазного чистогана и средством угнетения огромного большинства людей, рухнул и престиж Гизо-историка.

То, что казалось достоинством «Истории цивилизации», — ее широта взглядов, терпимость и оправдание всех элементов прошлого во имя дальнейшего исторического развития, — вызывало раздражение в прогрессивных кругах эпохи Июльской монархии. Происходила весьма поучительная переоценка ценностей, вызванная диалектикой общественного развития. Политическая деятельность Гизо рассматривалась как последовательное осуществление его философско-исторических взглядов. Его «объективность» была сведена к монархизму, увлекшему Францию в бездну бонапартизма. Нравственное учение доктринеров казалось причиной «невыразимой духовной расслабленности» воспитанного ими поколения, а вся доктрина — простым и внешним компромиссом между двумя боровшимися при Реставрации партиями. С такой точки зрения «История цивилизации» оказывалась просто речью о законе против оскорбления святыни (*loi du sacrilege*), перенесенной из Законодательного собрания в Сорбонну.

Из всех современных ему историков Гизо с наибольшим основанием можно рассматривать как главу и теоретика доктрины. Идея прогресса, сила обстоятельств, тесно связанных с экономической структурой общества, сила идей, внушенных обстоятельствами и их определяющих, идей коллективных и всеобщих, разум общественный, выражающий волю прогрессивных классов и, в конечном счете, волю провидения, ведущий человечество по его трудному, не всегда понятному пути, нравственное самосознание общества, большинства, гарантирующее конечное торжество справедливости, и это приятие всего общества целиком, со всеми его элементами, оправданными историей, эта утопическая в 20-е годы и реакционная в 30-е попытка всеобщего социального примирения в национальном единстве и нравственной справедливости никем из буржуазных критиков не были разработаны на историческом материале с такой полнотой и силой, с какою сделал это Гизо.

Ch.-H.Pouthias. Une famille de bourgeoisie française, de Louis XIV a Napoleon, 1934, стр.199-200. Биограф. сведения о Гизо см. в работе того же автора «Le Jeunesse de Francois Guizot», 1937, и «Guizot pendant la Restauration Preparation d'un homme d'etat», 1923. Библиографию см. в работе того же автора «Essai critique de sources et la bibliographie de Guizot pendant la Restauration», 1923.

Ch.-H.Pouthias. Le Jeunesse de Francois Guizot, стр.100. Ср. стр.111, 112. и др.

См. В.Мунтеано. Episodes kantien en Suisse et en France. — «Revue de litterature comparee», 1935.

«De letat des beaux arts en France et du Salon de 1810», 1810, стр.81.

Этот журнал ставил своей задачей знакомить читателей с иностранной литературой, однако об английской не печатал почти ничего. См. Alfred C.Hunter, J.-B.-A.Suard. Un introducteur de la litterature anglaise en France, 1935, стр.137 Более подробные сведения см. у R.Molier. Une revue germanisante sous l'Empire. «Les archives litteraires de l'Europe» — «Revue de litterature comparee», 1951.

Ch.-H.P o u t h i a s . Guizot pendant la Restauration, стр.13—14.

Guizot. Memoires pour servir a l'histoire de mon temps, 1858, т.1, стр.8. Между тем И.Тэн отрицает какое-либо значение для Гизо немецкой философии и культуры. См. T a i n e. Correspondence, т. III, стр.212.

Pouthias, ук.соч , стр.126. Это и дало основание Чернышевскому утверждать, что «Гизо... в своей «Истории цивилизации» француз только по изложению, а по духу — немец». — Н.Г.Ч е р н ы ш е в с к и й . Соч, т.IV, стр.138 прим.

См. P.-M.Bondois. Une lettre de Guizot sur ses travaux en 1808. — «Revue d'histoire litteraire de la France», 1936.

Ср. G i b b o n . Histoire de la decadence et de la chute de l'Empire romain, 1812, т.I, стр .XVI Статья была перепечатана в «Biographie universelle», а затем в сборнике статей «Melanges biographiques et litteraires» (1868).

«Melanges biographiques et litteraires», стр.29

Там же, стр.44. Перепечатывая эту статью в 1868 г., Гизо дополнил ее несколькими строками в которых высказал этот упрек в еще более резкой форме.

«De l'usage et de labus de lesprnt philosophique durant le XVIII siecle», т.II, стр.26.

P o u t h a s . Guizot pendant la Restauration, стр.349.

Эта вступительная лекция напечатана в «Мемуарах» Гизо (т.I, стр.388—394).

Pouthas («La Jeunesse de Guizot», стр.100, 103 и др.) считает Гизо учеником «идеологов», а его теорию и всю «доктрину» вообще — дальнейшим развитием «идеологии» Впрочем, в этой работе все же отчетливее, чем в книге «Guizot pendant la Restauration», Путас отделяет Гизо от «идеологов» (ср. стр.382—385). Новейший исследователь в книге, полной фактических ошибок, утверждает, что Гизо «Историю цивилизации» писал в традиции Вольтера и в противоречии с романтической школой См. H.O.S i e b u r g . Deutschland und Frankreieh in der Geschichtsschreibung des XIX Jahrhunderts, 1954, стр.34.

«Sur l'etat actuel de la philosophie en Aliemagne» — «Archives litteraires», т.I, 1804. Это первое упоминание о Гегеле во французской печати.

P o u t h a s . Guizot pendant la Restauration, стр.6.

26 марта 1811 «Briefe von B.Constant, Goethe, Grimm, Guizot an Ch. de Villers», 1833, стр.124.

P o u t h a s . Guizot pendant la Restauration, стр.129.

Статья в «Archives litteraire» — Там же, стр.82.

«Du Gouvernement de la France depuis la Restauration, et du ministere actuel, 1820. Тьерри говорит об этой книге как о событии в развитии «теории завоевания». См. «Considerations sur l'histoire de France». — Oeuvres completes, т.IV, стр.129.

«Du Gouvernement...», 1820, стр.1—2, и предисловие, стр.VI. Подробное изложение книги см. у М.А.Алпатова в ук.соч, стр.85—93. V.3 Там же, стр.III—IV.

Г.В.П л е х а н о в . Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории. — Соч., т.VIII, стр.13.

См. Duvergier de Hauranne. Histoire du gouvernement parlementaire en France. 1814—1848, т.VI, стр.40.

Письмо к Ш.Ремюза от декабря 1820 г — «Lettres de M.Guizot a ses amis et a sa families», стр.12.

Первая лекция состоялась 8 декабря 1820 г. См. «Courrier francais» от того же числа, стр.3.

Путас, ук.соч , стр.304.

Курс был напечатан тогда же, когда он был прочитан, в «Journal des Cours publics», основанном в 1820 г. Он публиковался по записям слушателей, самим Гизо не проверенным и потому неточным. В 1851 г., прекратив государственную деятельность, Гизо пересмотрел его и напечатал в слегка исправленном виде («Histoire du Gouvernement representatif de l'Europe», 2 т. На это издание мы ссылаемся в дальнейшем). Из самого факта этой перепечатки явствует, что курс выражал подлинные взгляды Гизо, же и в то время достаточно отчетливые и разработанные.

См. письма к Баранту 1822 г. — В а р а н т е . Souvenirs, т.III, стр.6, 39, 44, 51. Книга осталась незаконченной. 28 написанных глав изложены у P o u t h a s , ук.соч., стр.313 сл.

«Essais sur l'histoire de France». «Опыты были напечатаны как дополнение к подготовленному Гизо изданию «Observations sur l'histoire de France». Мабли, о чем сообщалось и в проспекте издания. Однако с самого начала, они продавались отдельно. Книга вышла в августе 1823 г., второе издание — в августе 1824 г.

Продолжение последовало лишь в 1854 г., а окончание в 1856 г. Кроме того, в 1850 г. Гизо напечатал «Рассуждение об английской революции», включившее в себя и события 1688 г.

Кроме нескольких мемуаров и исследований, в эти годы появились две обширные истории английской революции: Godwin. Histoire de la Revolution d'Angleterre, traduit de Anglais par M.Cohen et M. de S. (март 1824) и F.-A.-J. Mazure Histoire de la Revolution de 1638 en Angleterre, 3 т. (декабрь 1824).

«Histoire generate de la civilisation en Europe, depuis la chute de Empire romain jusqua la Revolution Francaise», 1828, XIV лекция, стр.17. В дальнейшем см. в тексте (HCE). Лекции обозначены римскими цифрами, страницы — арабскими.

Говорят, что м-ль Рашель, слушая в парламенте речь Гизо, сказала: «С этим человеком я бы хотела играть трагедию». См. J.S i m o n . Thiers, Guizot, Remusat, 1885, стр.289.

«Revue Encyclopedique», 1828, т.37, стр.661. Сравнительную характеристику членов «триумvirата» см. в статье Сен-Марк Жирардена в «Journal des Debats», 8 декабря 1828, стр.2. Ср. там же, 9 июня и 17 декабря 1828 «Globe» 18 апреля 1828, и др.

«Madame de Witt, nes G u i z o t . Monsieur Guizot dans sa famille et j'avee ses amis» (1787—1874), стр.117—118.

«Revue Encyclopedique», 1825, т.27, стр.21.

Проект был представлен в 1801 г. Бонапарту, который, руководимый «глубоким эгоизмом и инстинктом деспота», отклонил этот проект, а автора его лишил возможности добиваться его осуществления (там же, стр.21—22). Уже из этого можно видеть, насколько ошибочно утверждение Э.Р.Курциуса, будто понятие «цивилизация» было создано французами ради своих национальных целей во время войн с европейской коалицией. (Ernst-Robert Curtius. *Lidee de civilisation dans la conscience francaise*, trad., par H.Jourda.

«Sens commun». Это особо подчеркнул «Globe» в статье от 18 апреля, V, 1828 г.

«Мнение о проекте закона о святотатстве». — НСЕ, I, 26. Быть может, здесь слышны отголоски полемики Гердера и Канта, точку зрения которого Гизо разделяет.

Перепечатывая эту статью в 1868 г., он гораздо резче подчеркнул этот недостаток: Гиббон не понял, да и не старался понять умственную и нравственную жизнь народов и государств, а это и есть подлинная их жизнь Ср. «Melanges biographiques et litteraires», стр.12.

«Cours d'histoire moderne. Histoire de la civilisation en France depuis la chute de l'Empire romain jusqu'en 1789», 5 т., 1829—1832, т. I, стр.140. В дальнейшем см. в тексте (НСФ) Римскими цифрами обозначены тома, арабскими — страницы.

Н.Г.Чернышевский Соч., т.II, 1949, стр.562; т.III, стр.356. т.V, стр.419 и др.

«Les origines du gouvernement representatif», т.I, стр.134—135 и др.

Высокую оценку книги Гизо и в частности этого основного его положения дал Г.В.Плеханов в работе «Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории». — Соч., т.VIII, стр.9—10.

«Essais sur l'histoire de France», стр.63.

В этом отношении доктрина близка к формулированной Гумбольдом в 1822 г. «Historische Ideenlehre» Впрочем, еще Тулонжон считал необходимым при оценке событий прошлого согласовать свои взгляды с общепринятым мнением, которое и хранит в себе общественный разум и подлинный цивилизм и является осознанным чувством действительного и общего интереса мышления. Оно противоречило бы самой идее нравственности вместе с тем человеческой природе, которая является основой всякого общества.

«Journal des Saints». Декабрь 1823, стр.707. Путас вполне соглашается, утверждая, что Гизо в данном случае интересовала не средневековая Франция, а Франция эпохи Реставрации, и что ее когда писал эти строки («Guizot pendant le Restauration», заглянуть в текст «Опытов», чтобы понять, каков и новым. И как велико было недоразумение между старым и новым пониманием истории

«Origines». т.I, стр.VII.

Там же, т.I, стр.26.

То же — в НСЕ, XIV лекция.

«Origines», т.I, стр.83.

Memoires pour servir a l'histoire de mon temps, т.1 «Origines», т.I, стр.86—87.

«Origines», Предисловие к английскому переводу «Histoire de la civilisation en Europe», перепечатанное в позднейших французских изданиях (цит. по седьмому изданию, стр.VIII).

Ср. «Origines», т.I, VII лекция.
«Guizot pendant la Restauration». стр.316—317.
т. I, 1826.

То же Гизо говорит и в предисловии к «Истории английской революции»,

«Essais sur l'histoire de France»,
стр 49

«Origines», т. I. стр. 154—155

«Essais», стр.46.

Сам Гизо, характеризуя своего «великого человека» стирает разницу между варварскими и цивилизованными временами. — Там же, стр.46. Ср. стр.47.

Там же, стр.47.

Ср. речь, произнесенную Гизо при приеме в Академию Био. Здесь Гизо говорит о «счастливой непредусмотрительности этих страшных властителей мира, которых величие их гения заставляет забывать эгоизм их страстей, которые в полете мысли делают больше и лучше, чем сами предполагали». — «Trois generations», 1863, стр.90. Этими словами характеризует Гизо поведение английского парламента в январе 1642 г. «История английской революции», Спб., 1868, т.I, стр.161.

Любопытно, что сам Гизо и в «Опытах по французской истории» (III опыт) и в «Происхождении представительного правления» стоял на точке зрения Тьерри и Сисмонди и отказался от нее только в «Истории цивилизации»

Опыт IV, гл. II, § III

Таков смысл рассуждений Гизо в курсе 1830 г, особенно в XIX лекции «Ongines», т.I, стр.16.

«Histoire de la civilisation en Europe» VIII лекция Цит по II изд., 1863 стр.225—226.

Он не был одинок В 1828 г он нашей ту же тенденцию в книге Савиньи, а в 1829 г. — в сочинении Ренуара, утверждавшего, что римское муниципальное право существовало во Франции вплоть до III династии См R a u n o u a r d Histoire du droit municipal en France sous la domination romaine et sous les trois dinasties 2 т 1829. Fiedenc Morm («Theories historiques de M Guizot» — «Reue do Paris», 1854 т XIII, стр 341) в противоречии с хронологией утверждает, что это положение Гизо заимствовано из сочинения Ренуара

Вслед за многими своими современниками Гизо называет средневековые хаосом, имея в виду то V—X вв («Essais sur l'histoire de France», стр.48, «Origines», стр.215) когда его интересовала особенно теория завоевания, то XIII—XVI вв (НСЕ, VIII), когда его привлекала проблема возникновения национального единства и общественного мнения

Предисловие к первому изданию «Essais», стр.II.

«Г-н Гизо устанавливает с очевидностью для взоров разума как раз то, что составляет предмет спора между двумя современными политическими партиями Противники г-на Гизо и наши, напротив, утверждают, что современные социальные отношения восходят законной и непрерывной преемственностью к древнему общественному строю и называют беспорядком все, что отклоняется от идей и форм, которые, по их словам, длились так долго, освящены веками и да ч Франции порядок, справедливость и благоденствие» — Рецензия на второе издание «Опытов» — «Journal des Debats», 9 июня 1825, стр.2.

M-me de Witt M.Guizot dans sa famille, 1884, стр.107 НСФ, IV, 14.

«Origines» т.I, стр.2, 5, 9.

«Histoire de la civilisation en Europe», VIЕ изд., 1863, стр.V—VI, IX—X.

«Origines», т.I, стр.59.

Там же, т.I, стр 60. В «Опытах» Гизо повторил ту же мысль, указав на зависимость политической свободы от свободы «местной». Эти идеи были подчеркнуты Барантом в рецензии. Ср. «Melanges hist et litt», т. II, стр 86.

Melanges biographiques et litteraires, стр.12. Ср. стр.131 «Origines», т.II, стр.4—10.

Цит. у Сент-Бева. в статье о Фруассаре — Causes du lundi», т.IX. 1854, стр.78

В а р а н т е Souvenirs, т.III, стр.44.

J.C.J u l l i a n . Extraits. , стр.XXII То же в его статье «Cent ans de vie francaise a la „Reue des Deux Mondes"» 1929, стр.119, написанной с некоторой неряшливостью.

В а р а н т е . Souvenirs, т.III, стр.219.

27 ноября 1828 — Там же, т.III, стр.367.

1 марта 1825.— Там же, т. III, стр.323.

См. «Записку», представленную королю с предложением распустить «бесподобную» палату (1815), брошюру «Du gouvernement representatif et de letat actuel de la France» (1816) и особенно характерную в этом отношении брошюру «Des conspirations et de la justice politique» (1821).

19 октября 1826. В а р а н т е . Souvenirs, т.III, стр.356.

«Английская революция была главным образом политической драмой, и драмой целостной, так как 1688 г. закончил то, что начал 1640 год» — «Revue Encyclopedique», 1826, т.32, стр..373.

Ср «Histoire de la Revolution d'Angleterre», 1826, стр.XVIII—XXIV.

«История английской революции», Спб, т.I, 1868, стр.42, 43. В дальнейшем см. в тексте (ИАР).

«Revue Encyclopedique», 1826, т 32. стр.375—376.

См например, E.Renan. Essais de morale et de critique, стр.112—113.

«Essais de critique et d'histoire», 1866, стр.61—78, 218.

Здесь, как и в других случаях, мы слегка исправляем перевод цитируемого русского издания

Ф у к и д и д. кн.I, гл.22.

G. P l a n c h e . Portraits litteraires, т.II, стр.169—170.

Sis mon di. Fragments du Journal, стр.89 (28 июня 1826).

«Journal des Debats», 13 августа 1827, стр.3 (статья о втором томе «Истории английской революции»). 10 июля 1827, «Souvenirs», т.III, стр.390.

«Journal des Debats», 9 августа 1826. стр 3

Однако тотчас же рецензент отметил, что этот «недостаток, впрочем довольно редкий, исчезает в непрерывно возрастающем интересе, в красноречивой быстроте, в простом и величественном расположении драмы» — «Journal des Debats», 13 августа 1827, стр.3.

«Revue Encyclopedique», 1826, т.32, стр.374—375.

«Journal des Debats», 13 августа 1827, стр.3.

«Globe», 8 марта 1828, стр. 250. Здесь, очевидно, упрек по адресу школы Минье и Тьера.

Sylvestre de Sacy. Varietes litteraires, morales et historiques, т.II, стр.353. Статья датирована 10 марта 1854 г.

«Journal des Debats», 24 июля 1826, стр. 3—4. Почти та же мысль в рецензии Сальванди на первый том книги Гизо, — там же, 9 августа 1826, стр.4.

К.М а р к с и Ф.Э н г е л ь с . Соч, т.VIII, стр.275.

Там же, стр.280. Характеристика этой трансформации Гизо дана в книге М.А.А л п а т о в а , ук.соч., стр.107—120.

Все эти обвинения были сформулированы в статье Фр.Морена «Theories historiques de M Guizot» — «Revue de Paris», 15 ноября 1854, т.XXIII.

«Journal des Debats», 9 июня 1828. стр.2, «Globe» 21 июня 1828. стр.2.

К.Марк с и Ф.Э н г е л ь с . Соч., т.IV, стр.108.